

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (07) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчужев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окурокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://voprnalit.elpub.ru>

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (07) 2022

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing editor

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://voprnalit.elpub.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцева Ж. В.</i> К вопросу о северной идентичности в литературном тексте: на примере творчества Т. Одулока, А. Кривошапкина, Г. Кэптукэ.....	5
<i>Иманова С. И.</i> О женщине-феномене азербайджанской литературы.....	11
<i>Канарина В. П.</i> Проблема духовной реанимации Алтая в публицистике Б. Я. Бедюрова.....	16
<i>Хубитдинова Н. А.</i> Художественное творчество Амира Аминева: приемы и способы изображения... 23	

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Ефремова Н. А.</i> Колористика в рассказах Николая Габышева.....	31
<i>Ноговицына Е. С.</i> Из истории собирательства якутских этнографических коллекций: показательный ысыах в Намском улусе 1908 года.....	41

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Сивцева Н. А.</i> Глаголы каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному»).....	48
---	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Пономарева Т. Н.</i> Открывая миру культуру народа саха через туризм (к юбилею Айталины Андриановны Борисовой).....	56
--	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtseva Zh. V.</i> On the issue of northern identity in a literary text: The case of works by T. Odulok, A. Krivoshapkin, G. Keptuke.....	5
<i>Imanova S. I.</i> About the woman-phenomenon of Azerbaijani literature.....	11
<i>Kanarina V. P.</i> The problem of spiritual reanimation of Altai in Brontoy Bedyurov's publicism.....	16
<i>Khubbitdinova N. A.</i> Artistic creativity of Amir Aminev: techniques and way of image.....	23

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Efremova N. A.</i> Colouring in Nikolay Gaybshev's stories.....	31
<i>Nogovitsyna E. S.</i> From the history of collecting Yakut ethnographic collections: an demonstrational Ysyakh in Namsky ulus in 1908.....	41

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Sivtseva N. A.</i> Causative verbs of the beginning of existence in the poetic text by Alexei Kulakovsky "Bylyrgyly algys" ("Blessing in the old way").....	48
--	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Ponomareva T. N.</i> Opening up Sakha culture to the world through tourism (Anniversari Aitalina Andrianovna Borisova).....	56
--	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 8.82.0

DOI 10.25587/litteraesvfu.2022.57.63.001

Ж. В. Бурцева

К вопросу о северной идентичности в литературном тексте: на примере творчества Т. Одулока, А. Кривошапкина, Г. Кэптука

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика локальной литературной традиции на примере творчества юкагира Н. И. Спиридонова-Тэки Одулока, эвена А. В. Кривошапкина и эвенкийки Г. И. Варламовой-Кэптука, выражающейся в характерных чертах авторского самосознания. Северная литература как северный текст независимо от того, на каком языке пишется, обладает высокой степенью репрезентативности, исходящей, прежде всего, из освоения уникального образа Крайнего Севера как географического пространства и ландшафта и его воздействия на картину мира северного человека, исторически сложившуюся под влиянием экстремальных природно-климатических условий.

Определяются возможные параметры «северной идентичности» в ее символических и концептуальных проявлениях в художественном тексте. Сосредотачивается внимание на доминантах в определении и описании северных территорий, в связи с чем появляется уникальная модель геопространства. Актуализируется проблема идентичности образа литературного героя – оленевода и кочевника, соотнесение образа героя с ментальным, смысловым, социальным, культурным содержанием.

Ключевые слова: северная идентичность, Крайний Север, северная литература Якутии, картина мира, литературный герой, Т. Одулок, А. Кривошапкин, Г. Кэптука.

Zh. V. Burtseva

On the issue of northern identity in a literary text: The case of works by T. Odulok, A. Krivoshapkin, G. Keptuke

Institute for Humanities Research of the Problems of the Indigenous Peoples of the North,
Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

БУРЦЕВА Жанна Валерьевна – к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: gvburtseva@mail.ru

BURTSEVA Zhanna Valeryevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Abstract. The article discusses the specifics of the local literary tradition on the example of the work of the Yukaghir N. I. Spiridonov – Teki Odulok, Even Andrey Krivoschapkin and Evenk G. I. Varlamova – Kaptuke. expressed in the characteristic features of the author's self-awareness. Northern literature as a northern text, regardless of the language in which it is written, has a high degree of representativeness, which comes primarily from the development of the unique image of the Far North as a geographical space and landscape, and its impact on the picture of the world of a northern person, historically formed under the influence of extreme natural and climatic conditions.

The possible parameters of the «northern identity» in its symbolic and conceptual manifestations in the literary text are determined. Attention is focused on the dominants in the definition and description of the northern territories, in connection with which a unique model of geospace appears. The problem of the identity of the image of a literary character – a reindeer herder and a nomad, the correlation of the image of the hero with the mental, semantic, social, cultural content is actualized.

Keywords: northern identity, Far North, northern literature of Yakutia, picture of the world, literary character, Russian-language creativity.

Введение

Идентичность стала предметом изучения многих гуманитарных наук, и, как известно, центральной проблемой литературоведения является художественное сознание автора, которое тесно связано с персональной идентичностью. Она же, в свою очередь, выражается в индивидуальных повествовательных стратегиях на жанровом, нарративном, мотивном и образном уровнях, во взаимоотношениях «автор – текст – читатель».

Если повествовательная идентичность определяется как «форма идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности» [7], то формой авторской идентичности в художественном произведении в какой-то степени является также образ героя, выступающий в роли воображаемой личности. Так, субъектом северной ментальности является кочевник-оленеvod, и сама ментальность, состоящая из функциональных единиц (образов, представлений, установок, ценностей), также сформирована культурой кочевья.

В северной литературе кочевник-оленеvod – тип персонажа, герой, действующее лицо, образ, типический характер, архетип. Северная концепция жизни-движения и пространства в пределах пространственных образов «земли» (бескрайней тундры и тайги), «воды» (Северный Ледовитый океан, Колыма, покрытые льдом реки, озера, болота) и «неба» (слияние тундры и неба, движение по небу) является не просто сюжетным действием, но и основой мироздания. Компоненты, составляющие образный строй, сюжетно-композиционную и пространственно-временную организацию текста, определяют национальную картину мира. Сюда входят все взаимосвязанные образы и мотивы, порожденные культурной традицией данного этноса.

В этом плане содержание северной (региональной) идентичности в художественном тексте могут составлять создаваемый геопоэтический образ Севера (Арктики); культурно-историческая память; мифологические и фольклорные формы репрезентации; «привязанность к месту», «чувство места»; смысловые и ценностные ориентации, эмоциональные и оценочные суждения, имеющие нарративный характер; образ жизни и способы поведения в пространстве; способ отождествления с ландшафтом. В русской литературе Крайний Север преимущественно воспринимается как место ссылки, заброшенный край, страна холода, т.е. ассоциируется с «гиблым чуждым местом». В литературе северных народов аутентичность Севера – это естественная среда обитания, его символические и мифологические трактовки многократно усложняются

ландшафтно-климатическими условиями рождения и проживания. Это выражается в том, что главным предметом осмысления становится процесс взаимоотношений оленного человека с Севером, который зачастую идентифицирован с самим героем.

Тэки Одулок, раскрывая важнейшие для него мотивы памяти и родных мест, соединил их в образе матери. Писатель не раз упоминает о нелегкой судьбе его родной матери, которая кочевала и охотилась наравне с мужчинами: «Не раз она – моя мать – рожала прямо на снегу, в глухой пустынной тайге, надорванная тяжелой звериной жизнью. Не случайно из одиннадцати детей нас осталось только четверо» [6, с. 130]. Андрей Кривошапкин на личном биографическом уровне также подчеркивает обобщенно-национальный образ матери, способной передать навыки кочевого образа жизни: «Вскоре наступившая темная ночь поглотила всю окрестность. Но силуэт черной скалы все равно был четко виден. А в темноте она выглядела страшнее, казалась еще выше, огромным бурым медведем высилась над нашей крохотной палаткой. Сквозь тонкую стену палатки словно слышу ее глубокое дыхание, идущее откуда-то из глубины земли... Одна моя надежда и спасение – это мама моя» [1, с. 9].

Интересен тот факт, если речь заходит об этнокультурном статусе русскоязычного творчества национальных авторов, то преимущественно решается вопрос соотношения, влияния и определения первенства определенных литературных традиций и голосов. Другими словами, какого-то конкретного писателя относят больше к русской литературе, другого больше – к национальной. Не совсем объективным представляется традиционное стремление делить литературы на «влияющую» и «воспринимающую» и сводить весь сравнительный анализ литературных явлений к выяснению «влияний», будто бы обусловивших существование этих явлений. В этом смысле ни у кого не возникает сомнения, что, например, юкагирская литература началась с Тэки Одулока, который написал свою первую повесть «Жизнь Имтеургина старшего» на русском языке.

Основная часть

Концептосфера «жизнь – кочевье» как основа художественного конструирования национальной картины мира в автобиографической прозе Тэки Одулока, А. Кривошапкина, Г. Кэптукэ включает в себя основные концепты «кочевка», «олени», «охота», «тундра», «тайга», «нарты», «стойбище», «полог», «илуму», «чум», «дом», «дорога», «тропа» и другие. Символическая роль северного пространства в произведениях северян определяются мотивами бесконечного пути-кочевья, перемещения в пространстве в поисках новых пастбищ для оленей. Анималистические персонажи оленя, медведя, волка, горностая, соболя, песца, лисицы, белки, собаки, моржа, нерпы являются неотъемлемой частью северного пространства. Кочевье как особая форма существования представляет собой социально-культурную систему со специфическим мировоззрением и ценностями.

В 1934 г. Тэки Одулок публикует повесть «Жизнь Имтеургина-старшего», где описывает «жизнь тундренных людей – чукчей Колымского округа – лет за пятнадцать-двадцать до революции». Смысловая доминанта заглавия свидетельствует о жанре биографии, одновременно совмещающий документальный, эпистолярный и художественный стиль. По точности изложения событий и повседневных трудностей выживания в экстремальных северных реалиях повесть не уступает историческим документам. Жизнь главного героя чукчи Имтеургина полностью зависит от наличия оленей и от внешнего мира. «Ветер носил тучи снега по всей тундре, обдавал ледяной пылью людей и оленей, залеплял им глаза, перехватывал дух» [5, с. 83]. «Должно быть конец жизни пришел. Как будем жить без оленей» [5, с. 60].

Автор изображает это балансирование на грани жизни и смерти каждый день, между такими переменными, как природная стихия, потеря оленей, дикие животные, голод, враждебные злые духи, исторические события, пришлые собачьи люди. Все

переживания, испытания, интуитивно-стихийное постижение мира, которыми наделил автор Имтеургина, изображены живо и убедительно. По своей природе повествование автобиографично, оно о тяжелом времени и о себе, но в структурном плане организовано образом главного героя Имтеургина. Поэтому автобиографическое повествование принимает двойственный характер, биография героя отражает судьбу всего народа, которая видится во враждебности внешнего мира. Герой на внутреннем уровне как оленный человек интуитивно ищет способы сосуществования с миром природы, но не может преодолеть власть людей, которые пришли разграбить тундру.

Данные повествовательные стратегии создаются благодаря единству жизненного и эмоционального опыта автора-повествователя, которые в полной мере передают мироощущение представителя народа. Структура и поэтика повествования в повести Тэки Одулока как целостная система включает в себя следующие *особенности повествовательной и речевой организации*: (автобиографический тип изложения, соотношение автора биографического и автора-субъекта сознания, выражением которого является само произведение, образ рассказчика (автобиографический субъект «я как другой»), употребление формы сказа или неторопливого рассказа, жизнеописания, повествование от третьего лица (безличное), но в настоящем времени, лаконичный язык, присущий фольклорной повествовательной традиции), *сюжетно-композиционной организации жизненного и литературного материала* (жанровые особенности, восходящие к устно-поэтической традиции, преданиям, легендам и мифам, а также форме «ныиздыл» – рассказа, повествующего о вполне реальных событиях прошлого, определение структуры сюжета, двуплановость сюжета и композиции, организующая роль предисловия, своеобразие пояснений и комментариев), *специфику пространственно-временной структуры и типа национального характера* (пространственное восприятие образов, семантика пути-кочевья, авторское видение исторического героя, реалистичность, этнографизм и натурализм изображения, образ автобиографического героя, время и память как центральные категории).

Роман Андрея Кривошапкина «*Кочевье длиною в жизнь*» – это запечатление этапов собственной судьбы, воспоминание своего прошлого и автобиографического персонажа. Сюжет романа опосредован биографической линией жизни самого писателя, повествование сочетает в себе различные формы документалистики (дневниковые записи, мемуары, письма) и собственно художественной прозы. Это производит формальные и семантические трансформации автобиографического повествования. Субъектами автобиографической наррации являются сам непосредственный участник изображаемых событий – образ автобиографического героя, а также рефлексирующий авторанарратор – повествователь. В этом смысле характер пространственно-временной организации максимально приближает хронотопы героя и автора. Текст разбит по следующим главам, соответствующим каждому этапу жизненного пути, в которых автор сообщает о точных датах и конкретных обстоятельствах для реалистичности: 1. Мне мама сказала; 2. Тропа, ведущая к синим горам; 3. Сладок зов отчего дома; 4. Мне снится сказочный город на Неве; 5. Белые туманы Арктики; 6. Утреннее солнце золотит склоны гор; 7. Жизнь – каждодневное восхождение на гору.

Сам писатель родился в тундре, поэтому органическая связь с природой Севера впитана им с детства, с традициями далеких предков. «Жизнь моя похожа на длинное, длинное кочевье по неизведанным тропам, по крутым склонам величественных гор Верхоянского хребта. Сегодня я весь в кочевье. Только не знаю, когда остановка...» [1, с. 54]. Маркерами биографического времени героя являются датировки, при этом биографическое время писателя органично перетекает в эпическое повествователя-нарратора.

Творчество Галины Варламовой-Кэптукэ в контексте Северного текста литературы Якутии представляет собой целостную систему, и как писательница глубоко национальная, все ее произведения отражают глубину национального характера,

психологии персонажа, противоречивую картину жизни эвенкийского народа в сложных историко-социальных и культурных изменениях времени. Одним из центральных в творчестве писательницы выделяется сюжет возвращения героя домой, на родную землю, т.е. возвращение к началу, к исходной точке, к самому себе, и, как известно, данный сюжет осмысливается в культуре разных народов. Определяется это, прежде всего, тем, что его структурирует архетипическая ситуация, когда герой должен заново пройти определенный цикл, пространственно-временной круг.

В повести *«Рэкет по-тунгусски»* главный герой Анатолий, имеющий эвенкийское прозвище «Чульчима», возвращается в Иенгру, и с этого знакового момента начинается процесс внутреннего личностного «возвращения героя к самому себе». В этом смысле сюжетная линия перемещения героя во времени и пространстве мыслится как путь «от себя к себе». «И странным казалось Анатолию, что с годами в нем просыпался и напоминал о себе все больше и больше человек, имя которому было написано на роду – эвенк... Ведь родившись в тайге, я и должен был расти в тайге, чтоб быть тем, кем должен был быть» [3, с. 17].

Как видно, онтологический смысл возвращения очевиден: герой, набродившись, по так называемым «извилинам земли», единственным спасением для себя считает возвращение в родные места, а именно в сферу природного. Особенность реализации данного мотива в северной литературе в том, что дом – это не какой-то организующий центр в традиционном смысле, как отчий дом, не какое-то жилище, убежище, где можно найти безопасность и укрытие, а наоборот, дом как модель мира – это пространство разомкнутое, открытое, динамическое, и это в данном случае – образ тайги. В повести много поэтических описаний таежного образа, в котором передается идея чувственно воспринимаемой красоты северного пространства. Запах весенней тайги входил в него через ноздри теплым весенним потоком, вливался струей в легкие, проходил через все тело, будто это была какая-то необыкновенная, непрекращающаяся струя, как та самая небесная невидимая Нить.

В основе лежит убежденность писательницы в необходимости следования «законам» внутреннего единства человека и природного мира. Концепт «тайга», как и «тундра», с одной стороны, отображает гармоничную природную модель дома и хранилище древних традиций, аксиологически передающую память о прошлом. С другой – олицетворяет материнское начало, тайга является прародительницей, живым суверенным, наказывающим существом, взвешивающим злые и добрые дела. «Тайга не пуста. Много, много жителей в тайге, и он тоже сын тайги. Как же он может замерзнуть на глазах своей большой, великой матери-тайги?!» [3, с. 33]. Посредством образа тайги в соприкосновении с судьбой героя достигается динамическое равновесие между природой и человеком, она открывает герою самого себя.

Поэтика простора, выраженная в образе тайги, рассматривается через такие семантические и эстетические параметры, как восприятие открытого пространства по горизонтали, ширь, даль, безграничность, просторность формы пространства и сопряженное с этим душевное состояние, возможность свободного движения «в любую сторону», кочевье, путь, свобода и воля, родина, дом. Визуальные характеристики простора и таежный ландшафт: «тайга без конца, без края», «зеленая даль», «тайга открыта, вход без стука», «даль тайги, что сердцу дорога», «подо мною – долин раздолье, в дымке тающей голубой».

Автор использует прием «погружения» в стихию таежного мира, при этом задействованы все органы чувств, кроме вкуса, чтобы читатель сохранил роль созерцателя. Эта отстраненность становится условием сохранения красоты, первозданности природы. Мы наблюдаем чувственное познание через осязание: «Зачерпнув ладонями снег, мял его, нюхал. Эх, какое сейчас было время в тайге!»; через запахи: «Но тут ветерок донес до его ноздрей весенний запах тайги, Анатолий

вдохнул его всей грудью, закрыл глаза и начал дышать. Нет, невозможно передать словами как и чем пахнет весенняя мартовская тайга!»; через звуки: «Хорошо и свободно было ему в тайге, будто сбросил он непосильный груз, наваленный на него кем-то. Он шел и вдруг как-то незаметно – даже не смог определенно понять, когда это началось – стал слышать голос. Этот голос негромко звучал и напоминал материнский» [3, с. 40].

В текстах часто можно встретить олицетворения-обращения к природным образам как символам места, которые имеют архетипическое значение, отсылку к мифологическим сюжетам и легендам старинных северных народов. Северная земля представляется не просто описанием ее уникальной природы, а как действующий персонаж, мыслящее живое существо.

Заключение

Можно сделать вывод, что характеристики северной идентичности в рассмотренных литературных произведениях сводятся к следующим параметрам: изоморфизм национальной идентичности, территориальная общность, географическо-климатические условия, дискурсивные репрезентации местных мифов, легенд, природа, быт, традиции, характер и речь героев и другие. Образ места как собирательный включает в себя самую разную информацию: индивидуально-авторскую, историческую, краеведческую, биографическую, мифологическую. Само понятие «Крайний Север» – это картина мира, целое мироощущение, и его можно рассматривать как «базовую или коренную мифологию», распознавая единую мифотектонику всего ряда произведений независимо от индивидуальных писательских сознаний.

Л и т е р а т у р а

1. Кривошапкин А. Н. Кочевье длиною в жизнь. – Якутск: Бичик, 2000. – 332 с.
2. Кривошапкин А. Н. Я – Севера сын. – М.: У Никитских ворот, 2016. – 200 с.
3. Кэптукэ Г. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. – С. 14–45.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285.
5. Одулок Т. Жизнь Имтеургина-старшего // Под полярными созвездиями. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. – С. 19–95.
6. Одулок Т. На Крайнем Севере / Под полярными созвездиями. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1987. – 432 с.
7. Рикер Поль. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М., 1996. – С. 247 – 251.

R e f e r e n c e s

1. Krivoshapkin A. N. Kochev'e dlinoyu v zhizn'. – Yakutsk: Bichik, 2000. – 332 s.
2. Krivoshapkin A. N. Ya – Severa syn. – M.: U Nikitskih vorot, 2016. – 200 s.
3. Keptuke G. Reket po-tungusski // Polyarnaya zvezda. 1990. № 3. – S. 14–45.
4. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Yu. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – С. 14–285.
5. Odulok T. Zhizn' Imteurgina-starshego // Pod polyarnymi sozvezdiyami. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. – S. 19–95.
6. Odulok T. Na Krajnem Severe / Pod polyarnymi sozvezdiyami. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. – 432 s.
7. Riker Pol'. Germenevтика i psihoanaliz. Religiya i vera. – M., 1996. – S. 247 – 251.

С. И. Иманова

О женщине-феномене азербайджанской литературы

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтического стиля известного поэта азербайджанской литературы XII в. Мехсети Гянджеви. Именно в эту эпоху были созданы шедевры, обогатившие не только азербайджанскую, но и культуру всего Ближнего Востока.

Мехсети Гянджеви – выдающаяся азербайджанская поэтесса конца XI – начала XII вв. является ярким представителем Азербайджанского и Мусульманского Возрождения, представителем новой городской поэзии, воспевающей в своих стихах образы обитателей квартала городских ремесленников, поэтов, певцов и мутрибов. Мехсети во всем первая. Она первая из известных азербайджанских поэтесс, первая шахматистка, первый знаменитый азербайджанский музыкант и вполне вероятно и первая женщина-композитор. Биография ее окутана легендами и таинственностью, а известные факты ее жизни, также как и стихи, отличаются крайней экстравагантностью, по крайней мере в понимании мусульманского общества того времени, если, конечно, принимать их в прямом, а не в переносном смысле.

Появление в XII столетии женщины-поэтессы есть не что иное как одно из проявлений достижений азербайджанского народа в общественно-политической и культурной сферах.

Ключевые слова: национальная литература, самобытность, Мехсети Гянджеви, азербайджанская поэзия, Ближний Восток.

S. I. Imanova

About the woman-phenomenon of Azerbaijani literature

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The article discusses the peculiarities of the poetic style of Mahsati Ganjavi, a famous poetess of the 12th century in Azerbaijani literature. It was during this epoch that masterpieces were created which enriched not only Azerbaijani, but the whole culture of the Middle East.

Mahsati Ganjavi, an outstanding Azerbaijani poetess of the late 11th – early 12th centuries, is a prominent representative of the Azerbaijani and Muslim Renaissance, a representative of the new urban poetry, who glorified in her poems the images of the inhabitants of the quarter of urban artisans, poets, singers and mutribs – Kharabat. Mehseti is the first in everything. She is the first well-known Azerbaijani poetess, the first chess player, the first famous Azerbaijani woman musician and quite possibly the first woman composer. Her biography is surrounded by legends and mystery, and the known facts of her life, as well as her poems, are extremely extravagant, at least in the perception of the Muslim society of that time, certainly, if they are understood directly but not figuratively. The appearing of a female poetess in the 12th century is nothing but one of the manifestations of the Azerbaijani people achievements in the social-political and cultural spheres.

Keywords: national literature, identity, Mehseti Ganjavi, Azerbaijani poetry, Middle East.

ИМАНОВА Севиндж Ингилаб гызы – к. филол. н., ведущий специалист отдела азербайджановедения и славистики Научно-исследовательской лаборатории, Бакинский славянский университет.

E-mail: sevinc10@rambler.ru

IMANOVA Sevinj Ingilab – Candidate of Philological Sciences, Leading Specialist of the Department of Azerbaijan Studies and Slavic Studies, Research Laboratory, Baku Slavic University.

Введение

Мехсети Гянджеви – яркая личность в азербайджанской поэзии XII века. В средние века, в эпоху распространения ислама, женщина-поэт в тюркском мире, создавшая собственную школу, явление неординарное. Ее поэзия до сих пор привлекает читателей гедонистическими мотивами, отказом от аскетизма и отшельничества, которые были популярны у суфиев, смелостью и дерзостью в вопросах женской эмансипации. Мехсети-ханум жила и творила в период наиболее богатый на гениальные имена не только в восточной, но и азербайджанской поэзии. Ее современниками были гениальные Аб-уль-Ала Гянджеви, Фелеки Ширвани, Хагани Ширвани, Муджереддин Бейлагани и другие выдающиеся представители азербайджанской национальной культуры. А великий Низами Гянджеви был ее учеником. Именно в эту эпоху были созданы шедевры, обогатившие не только азербайджанскую, но и литературу всего Ближнего Востока. Эти гении появились не на пустом месте. Они продолжали традиции персидской поэзии – Омар Хайям, Джалаладдин Руми, Джами. Вместе с тем уже в XI в. в азербайджанской литературе творил великий Гатран Тебризи.

Основные этапы творчества

Знакомство с дошедшими до наших дней рубаи, газелей и кыта Мехсети ханум, делает очевидной ее привязанность к гуманистической поэзии своего времени. Поэтесса всегда описывала радость любящего сердца самыми яркими красками, блестяще используя при этом художественные приемы восточной поэзии. Ее рубаи – бесконечное прославление чувственных радостей, любви, свободной от каких бы то ни было уз:

Коран и шариат мужей и жен
Соединяет браком испокон.
Мой брачный договор – мой стих напевный,
Религией какую утвержден? [4, с. 24]

Рубаи Мехсети отражают реальные переживания, в ее поэзии описываются любовные свидания, разлуки:

Свиданье в дымке голубой пропало,
Сверканье слез во тьме слепой пропало.
Все было в сердце – счастье и покой,
Но ты исчез – и все с тобой пропало. [4, с. 26]

* * *

Мой месяц ясный, я – твоя луна,
Надежда на свиданье мне нужна.
Разлука – наказание большое,
Равна ли наказанию вина? [4, с. 21]

* * *

Не откажи мне в самой малой милости –
Сдержись, не плачь. Мне слез твоих не вынести.
Что плакать тем, что не любя, любимы?
Пусть плачут те, кто любят без взаимности! [4, с. 16]

* * *

Ты отнял все желанья, все мечты,
Я старюсь, искажаются черты,
Любовь к тебе страшнее смерти даже:
Счел призраком меня, живую, ты. [4, с. 13]

Поэзия Мехсети Гянджеви полна описаниями любовных переживаний в момент возникновения этого чувства:

Глаза в глаза мне глянули в упор,
Не знают сна глаза мои с тех пор.
Твои глаза с победой поздравляю –
Им равных не нашел нигде мой взор. [4, с. 21]
Разрыва любовной связи:
Обиделся любимый, скрылся прочь.
Раскаянья теперь не превозмочь.
Бессонница, бессилье, безнадежность,
Как светопреставление – эта ночь. [4, с. 21]

Умело используя традиционные образы и художественные приемы, Мехсети Гянджеви добилась отражения самых искренних и глубоких чувств. Она с большим мастерством показала красоту и утонченность женской души, богатство ее внутреннего мира:

Твое лицо сочла Каабой я,
Моя темница – родинка твоя,
Мой символ веры – твой греховный локон,
Я – подтверждаю, правды не тая. [4, с. 19]

* * *

Твой лик увидев, ангел бы поник –
Сиянье солнцу твой дарует лик.
Нас невозможность лицезреть тебя
Сегодня превратила в горемык. [4, с. 25]

* * *

Тюльпан перед твоим лицом краснеет,
Хурма, с твоим не споря ртом, краснеет.
Ты так красив, но поступаешь так,
Что вежливость сама при том краснеет. [4, с. 28]

Становясь порой главным героем своих поэтических произведений, сама красавица-поэтесса выступает инициатором любовных игр и рисуется то гордой и неприступной:

Ты наступаешь, ты грозишь бедой,
И все же, проигрываешь, милый мой,
Ведь я открыто в шахматы играя,
Заигрываю исподволь с тобой. [4, с. 29]
То капризной и легкомысленной:
Я – Мехсети. Красе моей хвала
И до Ирака дальнего дошла.
Помилуй, сын гянджинского хатиба,
Чуждаясь, ты меня спалишь дотла. [4, с. 16]
В ревности:

На землю не смотри, иль прах увидит,
И в небо не смотри – Аллах увидит.
От ревности умру, коль кто-нибудь
Во сне тебя, или в мечтах увидит. [4, с. 28]

Большое место в лирике Мехсети уделено диалогу, в том числе, любовному:

«Дай поцелуй», – я гордому сказала,
«Мне жизнь, – ответил он, – отдай сначала».
Тут разум знак мне подал: «Согласись,
Не проиграешь в сделке ты нимало». [4, с. 17]

* * *

Вздыхнула роза: «Нам бы благородства
Прибавил кипарис большого роста...»
«Вокруг – колючки, – ветерок сказал, –
Повсюду рядом с красотой – уродство». [4, с. 36]

* * *

Ты скажешь: «Приходи». Мигнет: «Куда?»
«Тебя прижму к груди?» Ответит: «Да».
Ты спросишь: «Выпьем?». «Лишь с тобой», – ответит,
Возможно ль отказаться? Никогда. [4, с. 7]

* * *

Спросила сердце как-то я давно:
– Пить горькое иль сладкое вино?
– Ты – не Фархад, чтоб к Сладостной стремиться,
Пей горькое, – ответило оно. [4, с. 20]

Поклонница природы и эпикурейского восприятия жизни, Мехсети Гянджеви в своих рубаи выразила привязанность к родному городу – Гяндже:

Решил меня зарезать без ножа?
Ловчишь, как волокитчик и ханжа
Ты обещал в Гяндже явить мне милость!
Изволь: вот – я, вот – ты, а вот – Гянджа! [4, с. 38]

Поэзия Мехсети Гянджеви тесно связана с реальной жизнью, в ней кроме «мягких» лирических, художественных тонов, порой звучали острые социально-экономические мотивы. В частности, это было отрицательное отношение к религиозным моралистам-проповедникам, «благочестивым праведникам»:

Судья-кази не брал хмельного в рот, –
Стать праведником тщился, сумасброд.
Но лучше погрязать в отходах винных,
Чем урезать доходы у сирот. [4, с. 7]

В эпоху XII в., когда в арабском мире права женщин были сильно ограничены, в тюркском мире деятельность столь яркой личности как Мехсети Гянджеви приобрела особое значение. Ее творчество явилось не только показателем общего культурного уровня, обновления мировоззрения, свободомыслия, но также проявлением силы воли и смелости. Стихотворные произведения Мехсети, дошедшие до нас, свидетельствуют о ее высокой образованности, прекрасном владении арабским и персидским языками, глубоком знании всех тонкостей восточной поэтики. В эпоху средневековья занятие поэзией считалось для женщины предосудительным и неприемлемым. В связи с этим, было выдумано немало историй о «легком» поведении Мехсети ханум и эти слухи и домыслы необоснованно связывались дастаном-преданием «Амир Ахмед и Мехсети». Хотя в этом произведении, созданном предположительно в XIV столетии, и ощущается явное расположение, симпатия к личности поэтессы, показан ее огромный талант, смелость, великодушие и благородство ее души.

В стихах Мехсети воссоздается сложный образ современника, чьи моральные принципы и нравственные нормы переосмысливаются ею:

Кто пьет вино, ходить нагим готов,
Рассудок отвергая, как покров.
Я опьянюсь и покажусь нагая –
Пусть красота слепит моих врагов. [4, с. 20]

Эти стихи предостерегают от однозначного отношения к человеку и миру, и в отражении этой сложности заключается яркое художественное мастерство автора.

Большая часть произведений Мехсети посвящены обитателям харабатов – городских трущоб в средневековых мусульманских городах, где проживали люди разных профессий, и где обычно торговали вином:

Богат безмерно – не подкупишь смерть.

Она сумеет всех смести, стереть.

Один старик сказал мне в Харабате:

«Живи счастливо, належишься впредь». [3, с. 12]

Заключение

Не вызывает сомнения и то, что Мехсети Гянджеви была реальной исторической личностью. Этот факт подтверждается письменными свидетельствами многих поэтов и ученых – современников поэтессы, как например, Фарид-ад-Дин Аттар (1136-1229), Шамсаддин Мухаммед бен Гейс Рази (XII-XIII вв.), Хамдаллах Мостоуфи Казвини (XIII-XIV вв.), Довлет шах Самарканди (XV в.), Гияседден Хандемир (XV-XVI вв.), Амин Ахмед Рази (XVI-XVII вв.) и др. Хотя в произведениях этих авторов нет подробных данных о жизни и творчестве Мехсети Гянджеви, однако даже беглых примечаний и высказываемых ими мнений о поэтессе вполне достаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать, что Мехсети Гянджеви является реальным историческим лицом. Ключевым подтверждением этому стал отзыв академика Зии Буниятова на книгу академика Рафаэля Гусейнова «Царица державы рубай», где ученый подчеркнул, что «в ту эпоху классики творили на персидском языке, и что исследование Р. Гусейнова завершает ряд споров, связанных с личностью и наследием Мехсети Гянджеви...» [2, с. 18]. Исследование Гусейнова стало своего рода ответом на статью Е. Э. Бертельса, ставившего под сомнение реальность Мехсети Гянджеви. Появление в XII столетии женщины поэтессы есть не что иное как одно из проявлений достижений азербайджанского народа в общественно-политической и культурной сферах.

Поистине, Мехсети Гянджеви – яркая звезда на небосводе азербайджанской поэзии XII в. Ее личность нашла отражение в романе «Меч и перо» Мамед Сеида Ордубади – основоположника исторического романа в азербайджанской литературе.

Л и т е р а т у р а

1. Гусейнов Р. Госпожа Луна – Мехсети Гянджеви. – Баку, «Элм», 2010. – 608 с.
2. Гусейнов Р. «Царица державы рубай». – Баку, «Шарг-Гарб», 2013. – 640 с.
3. Мехсети Гянджеви. Рубай. (Пер. Вл. Кафарова). Азербайджанское Государственное изд-во. – Баку, 1974. – 71 с.
4. Мехсети Гянджеви. Рубай. (Пер. Вл. Кафарова). – Баку, «Айна Метбу Эви», 2001. – 47 с.

References

1. Gusejnov R. Gospozha Luna – Mehseti Gjandzhevi. – Baku, «Jelm», 2010. – 608 s.
2. Gusejnov R. Gospozha Luna – Mehseti Gjandzhevi. – Baku, «Sharg-Garb», 2013. – 640 s.
3. Mehseti Gjandzhevi. Rubai. (Per. Vl. Kafarova). Azerbajdzhanskoe Gosudarstvennoe izd-vo – Baku, 1974. – 71 s.
4. Mehseti Gjandzhevi. Rubai. (Per. Vl. Kafarova). – Baku, «Ajna Metbu Jevi», 2001. – 47 s.

УДК 82

DOI 10.25587/litteraesvfu.2022.69.10.003

В. П. Канарина

Проблема духовной реанимации Алтая в публицистике Б. Я. Бедюрова

НИИ алтаистики имени С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы духовного возрождения Алтая в публицистике востоковеда-тюрколога, писателя Б. Я. Бедюрова. Его работы стали заметным явлением в алтайской литературе в последней четверти XX в. как самостоятельное направление в постижении и развитии национальных духовных основ. Индивидуальный стиль писателя - синтез поэзии и науки, авторской лирики и реминисценций, незабываемых традиций народной словесности – подводит читателя к осмыслению основ духовной культуры Алтая.

Представлен содержательный и языковой анализ, выявлены ведущие стилевые черты публицистических статей из книги «Слово об Алтае».

Ключевые слова: алтайское литературоведение, литературная критика, статьи, рецензии, обзоры, публицистика, духовная реанимация, творчество Б. Я. Бедюрова.

V. P. Kanarina

The problem of spiritual reanimation of Altai in Brontoy Bedyurov's publicism

S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article deals with the issues of the spiritual revival of Altai in the journalism of the orientalist-Turkologist, writer Brontoy Bedyurov. His works became a notable phenomenon in Altai literature in the last quarter of the twentieth century as an independent direction in the comprehension and development of national spiritual foundations. The individual style of the writer – a synthesis of poetry and science, author's lyrics and reminiscences, unshakable traditions of folk literature – leads the reader to comprehend the foundations of the spiritual culture of Altai.

A substantial and linguistic analysis is presented, the leading stylistic features of journalistic articles from the book "The Word about Altai" are revealed.

Keywords: Altai literary criticism, literary criticism, articles, reviews, reviews, journalism, spiritual reanimation, creativity of Brontoy Bedyurov.

КАНАРИНА Валентина Петровна – к. филол. н., научный сотрудник бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С. С. Суразакова».

E-mail: 90a70@mail.ru

KANARINA Valentina Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Scientific Institution "S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies".

Публицистика – это тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления, как публицистичность, т.е. прямое выражение мысли автором. Она рассматривается как сложный жанр речевого высказывания, обладающий устойчивыми характеристиками: тематическое содержание, стиль, композиция, целевая установка. Публицистика отличается насыщенностью, эмоциональностью и направленностью на привлечение внимания читателя. Ее родообразующей характеристикой в концепции Ю. И. Суровцева является не предмет или функция, а особый способ изображения. С точки зрения критика, предмет публицистики чрезвычайно многообразен и не сводится «ни к «политике», ни к «экономике», ни к «быту», ни к сфере «морали» [6, с. 217]. Именно таковы публицистические произведения известного алтайского поэта, востоковеда-тюрколога, общественного и государственного деятеля Бронтоя Янговича Бедюрова.

Нами предпринято исследование целей, содержания, языковых и стилевых особенностей публицистических статей, очерков, рецензий и выступлений из книг «Слово об Алтае» (1990, 2003), касающихся проблемы духовной реанимации Алтая. Названная проблема актуальна во все времена и остается насущной в современном мире. Мысли автора обращены современникам, он смело обозначает проблему необходимости духовного реанимирования Алтая, предлагает пути ее своевременного и безотлагательного решения.

Почему и в какие периоды возникает проблема духовного возрождения (реанимации), т.е. оживления? Закономерно то, что такие процессы чаще всего возникают или заостряются в переломные моменты, на рубеже веков. На рубеже двух веков (конец XIX – начало XX) происходит первый этап духовного возрождения Алтая. Общеизвестно, что начало изучению алтайской фольклористики и тюркологии в XIX в. положили ученые-востоковеды В. В. Радлов, В. И. Вербицкий, Г. Н. Потанин и др. Неоценима помощь русским востоковедам алтайского писателя М. В. Чевалкова (1817-1901). Появление особо одаренных личностей среди алтайцев Г. И. Чорос-Гуркина, И. М. Штыгашева, М. В. Мундус-Эдокова, П. А. Чагат-Строева, стало предтечей возрождения, Б. Я. Бедюров назвал их «светолюбами Алтая».

Публицистика писателя Б. Я. Бедюрова становится заметным явлением в алтайской литературе в последней четверти XX в. как самостоятельное направление в постижении и развитии национальных духовных основ. Писательская публицистика – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способ мышления. Бедюров-публицист использует не только простые жанры (статья, комментарий, интервью, зарисовка и т.д.), но и жанры критической статьи, очерка, доклада. Как поэт и мыслитель Бронтой Бедюров верен своему неизменному творческому и нравственному кредо. Его стиль – это сплав, синтез поэзии и науки, авторской лирики и реминисценций, незыблемых традиций народной словесности.

Конец XX и начало XXI вв. – рубеж двух столетий явился временем осмысления основ духовной культуры, национального возрождения Алтая, тюркоязычных народов мира и всей страны в целом. На фоне этих событий в стране и на Алтае происходит второй этап духовного возрождения. Доктор филологических наук, профессор Н. М. Киндикова справедливо отметила, что в последней четверти XX и начала XXI столетия писатели и поэты обращаются к теме далекого исторического прошлого, стремятся осмыслить пройденный путь. Таковы исторические произведения классиков алтайской литературы: поэма А. О. Адарова «Тоньюкук», исторические романы И. В. Шодоева «Кызаланду ылдар» («Трудные годы»), «Тан алдында» («На рассвете»), роман Д. Б. Каинчина «Карган тыт» («Старая лиственница») и др.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. по инициативе Б. Я. Бедюрова были подготовлены и изданы на русском языке произведения почти забытых зачинателей алтайской письменной литературы конца XIX – начала XX вв.: М. В. Чевалкова, И. М. Штыгашева,

М. В. Мундус-Эдокова, П. А. Чагат-Строева, Г. И. Чорос-Гуркина и др. Это книги «Мудрый богатырь» (1987) и «Памятное завешание» (1990), которые предопределили появление на свет «Слова об Алтае» (1990) Б. Я. Бедюрова, явившегося очередной ступенью в постижении и осмыслении основ духовной культуры Алтая. Возвратив из забвения, открыв плотную завесу прошлого и причем не только для Алтая, но и для всех современников, читающих на русском языке имена вышеназванных предтеч наших, автор-составитель сборника выполнил важную и необходимую работу.

Совершенно правомерны выводы Б. Я. Бедюрова о духовности: «Зрелость литературы определяют не только создаваемые сию минуту произведения, не просто сам текущий процесс и даже не ее современный уровень, как бы ни был он высок. Зрелость наша определяется и отношением к пройденному пути, к тому, как мы осознаем и оцениваем в самих себе предтеч, предыдущие поколения» [1, с. 118]. Таким образом, накануне нового века, грядущих больших перемен в обществе и складе ума человечества, очевидным является факт, что все, что создано нашими предтечами, вековая мудрость народа требует основательного перечтения и оценки с точки зрения современности. Мы должны помнить и хорошо знать свою историю, ценить зачинателей алтайской литературы, ибо в этом наша сила и мудрость.

Б. Я. Бедюров обращает нас к корням, так как без корней нет дерева, нечем ему питаться и не за что держаться. Так и человек и человечество, потеряв свои корни, становится слабым и бездуховным. Поэтому скрупулезная, кропотливая работа по сбору и концентрации литературного наследия алтайских дореволюционных писателей-просветителей, а затем как естественное следствие издание серии книг под общим названием «Слово об Алтае» заслуживает уважения и пристального внимания. В аннотации к книге четко указана цель – настоятельный призыв к единению, кому дороги и святы такие понятия, как служение Отечеству, чувство гражданского долга, кто хранит в себе честь, благородство и достоинство. Служение Отечеству, забота и боль о судьбах тюркских народов Бронтоя Бедюрова продолжается более полувека. Выразитель духа народа, его дум и чаяний, он на самых различных уровнях отстаивает интересы Алтая. Для него литературное творчество сопряжено с общественной деятельностью. Проблема реанимации духовности Алтая всегда была и есть на первом месте как в общественно-политической деятельности Б. Я. Бедюрова, так и в его научной и литературной работе.

В философии XX в. духовность человека понималась как стремление к абсолюту нравственных истин. Такое стремление порождает высшие способности: разумность, дар речи, волю, совесть, свободу, интуицию, высокие эстетические чувства, творческую активность, открытость в самопознании и самоопределении, жажду совершенства, способность к любви и служению. Все названные черты в полной мере присущи ему. Как духовный наставник Алтая Б. Бедюров ставит цель повернуть сограждан и современников лицом к добрым обычаям и традициям своего народа и страны.

«Слово об Алтае» - статья, являющаяся вдохновенным гимном Алтаю, прародине древних тюрков, торжественным, чуть ли не одического характера стихотворением в прозе. Эта вдохновенная песня-гимн о полном трудностей и лишений пути развития самобытной духовной культуры, о том, как начиналось Возрождение. Статья достаточно объемна и в то же время лаконична в изложении фактов о довольно длительном историческом пути великого и вечного Хан Алтая, о судьбе ее многострадального народа. И потому каждое слово из этого произведения, идущее из глубины души, волнует, окрыляет и наполняет сердца читателей истинным патриотизмом, чувством гордости и беззаветной любви к своей Родине. Невозможно удержаться от желания привести цитату из «Слова...»: «При древних и мудрых напевах топшуура, под рокот и скорбь его струн я думаю, вспоминая весь долгий-долгий путь моего многострадального народа...»

О, Алтай мой, Алтай, великий и вечный Алтай! Испокон веков, со времен легендарных, «стерегущих золото грифов», описанных еще Геродотом, изначальных предков племен

теле и тую, ты, Алтай, был нам золотой колыбелью, твердыней и оплотом, суровой, но прекрасной родиной нашей». Почему автор пишет о древних напевах топшуура? Да, вековая мудрость и неугасимый источник великого и Вечного Алтая – героический эпос алтайцев, исполняемый под напевы топшуура. Геродот – мудрый эллин, изучивший историю аргиппеев, ассоциации и параллели, приводимые публицистом достоверны, хотя некоторые требуют дальнейшего доказательного изучения.

Как видно из отрывков, образен, отточен язык «Слова об Алтае». Стиль речи художественный при историзме повествования. Речь Бедюрова-великолепного оратора, Бедюрова-поэта, Бедюрова-публициста образна и эмоциональна, насыщена изобразительно-выразительными средствами и потому доступна и понятна для разных категорий читателей. Так просто и мудро говорить о вещах серьезных, располагая большим фактическим материалом, может далеко не каждый. Это свидетельствует о необычайном даре Бедюрова-публициста, об энциклопедичности его познаний, о многогранности масштаба личности его как Человека, просветителя. Образ вечного Алтая видится ему «из дали вековечной, шири беспредельной» как Древо рода-племени нашего – могучий Темир Терек (Железный Тополь), имеющий девяносто девять разветвлений (99 айры), как поется о нем в старинных сказаньях. Алтай – **золотая колыбель** многих народов, **Золотая Гора**, на равном удалении от четырех океанов, **Золотая седловина** на тверди земной, стыкующая собой две половины Великой Степи – мир монголов и тюрков.

В таком эпическом духе ведет свое повествование об историческом пути Алтая Б. Я. Бедюров. Автор четко видит то, о чем пишет, чувствуется его эмоциональный накал, синтаксические и лексические средства свидетельствуют об этом. А именно: многоточия, восклицательные предложения, риторические восклицания и обращения к Алтаю как к Духу, как живому существу, с которым он общается и перед которым преклоняется. Эти средства служат для выражения эмоционального накала, недосказанности или сдержанности автора. Здесь уместно привести слова выдающегося классика русской литературы К. Г. Паустовского: «Существует своего рода закон воздействия писательского слова на читателя. ...Если писатель, работая, не видит за словами того, о чем он пишет, то и читатель ничего не увидит за ними. Но если писатель хорошо видит то, о чем пишет, то самые простые и порой даже стертые слова приобретают новизну, действуют на читателя с разительной силой и вызывают у него те мысли, чувства и состояния, какие писатель хочет ему передать». Хотелось бы еще раз подчеркнуть то, что Б. Бедюров четко и ясно видит те события, о которых пишет. К примеру, это подтверждают мысли автора: «...И видится мне, как мимо пепелищ разоренных родных кочевьев я, раненый, бреду вниз по Иртышу, сжимая саблю в руках, и со мной осталось лишь три верных друга – босых, безлошадных, потерявших все, как и я, но идущих со мной до конца. О, нёкери мои! – и этим сказано все». В этом пафос и гражданственность, патриотизм и духовность автора, сына Отечества, его малочисленного, но мудрого и доброго душой народа. Поэтому он вправе говорить: «Судьба нам такая – уцелеть, уберечься в боях и сражениях, чтоб остаться жить, обретя вновь Алтай, и, когда уж покину я вас, сохранить и сберечь нашу память, как искорку в темной ночи безвременья, и разойдутся от вас среди потомков по всему Алтаю, тысячеустно повторяясь, легенды и преданья о старине ойротской и распре джунгарской» [2, с. 63-64].

Не случайно первоначальные сведения об истории наших дальних предков автор находит у «отцов истории» - Геродота (V век до н.э.) и Сыма Цяня (147-87 гг.). Публицист и ученый-востоковед делает оговорку на то, что если сведения Геродота, возвышенного умом эллина, основаны на преданиях, мифах, сказах, то «Исторические записки» Сыма Цяня – сжатые систематизированные рассказы о северных соседях Китая, которые носят вполне реальный, буднично-конкретный характер.

Б. Я. Бедюров правомерно является противником так называемого «европоцентристского» взгляда на историю и на кочевников как «трутной цивилизации».

Опираясь на фактические материалы из источников, он делает достаточно смелые параллели. К примеру, аргиппей – плешивые от рождения люди, живущие у подножья высоких гор – это тасы, тастаракаи (герои алтайского героического эпоса) [2, с.16-18]. Например, им уместно приведена длинная цитата крупнейшего археолога М. П. Грязнова: «Древние племена азиатских степей, очевидно, были такими же творцами и созидателями культур скифо-сибирского типа, как и их современники скифы. Возможно даже, что в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например, алтайских и тувинских, был иногда более значителен, чем собственно скифов. Настала, видимо, пора поставить вопрос – а была ли вообще европейская Скифия с каким-то центром или очагом скифо-сибирского ареала, как это многим до сих пор представлялась? – Она занимала далекую периферию этого ареала и располагалась рядом со средиземноморскими цивилизациями, соседство и близкие контакты с которыми могли и подавлять их творческую самобытность» [2, с. 22]. Б. Я. Бедюров выражает благодарность выдающемуся археологу за это честное и мужественное признание с высоты веков от имени современников.

Следовательно, круг размышлений и выводов публициста на стыке науки и литературы, истории и философии, культуры и этики, археологии и этнографии. Но он не делает окончательных выводов, вежливо оставляя за этим право компетентным исследователям. Многомерность масштаба личности, востоковедные знания, начитанность и глубина интересов позволяют ему вести прямой диалог с читателем или слушателем на разных уровнях. Приведенные в систему Бедюровым-публицистом сведения обширны, ими обозначены проблемы не только гуманитарные, т.е. духовной реанимации Алтая, но и для естественных, юридических, исторических, этнографических, экологических сфер научного познания.

Представляют глубокий познавательный и научный интерес множество легенд, преданий, записанных и обработанных Б. Бедюровым с Ю. Фельчуковым. Это жемчужины народного духа вводятся впервые в широкий литературный и научный оборот на русском языке. Как отмечалось Д. И. Белековым: «Весьма примечательным является и то, что данной книгой Бронтой Бедюров осуществляет сознательную, осмысленную попытку систематизации основ алтайской духовности в ее непрерывном историческом движении» [4, с. 33].

В начале 1970-х гг., анализируя стихи тогда еще молодого поэта критики справедливо отмечали: «Бронтой Бедюров идет от устного сказа... Обыденно. Подкупающе просто. И с абсолютной уверенностью в значительности сказанного, с такой уверенностью, которая и у нас не оставляет никакого сомнения... Хорошо, если бы он не утратил этой свежести поэтического мировидения и углубился в духовную жизнь человека» [5, с. 107]. Сегодня можно с уверенностью сказать, что пожелания критиков Б. Бедюров оправдал вполне. Ныне он не только известный поэт, драматург, но и публицист, углубившийся в духовную жизнь человека. Его воззрения своевременны, поэтическое, пророческое дарование в нем успешно сочетается с научно-публицистическим, общественная деятельность, множество других дел, которые отнимают много драгоценного времени, взаимодополняют друг друга и углубляют его работу в духовном поле Алтая, обозначая векторы развития для других тюркских народов мира.

Вторую книгу «Слова об Алтае» (2003) составляют многоплановые статьи, интервью, речи публициста, над которыми он работал в 1980-1990-е годы прошлого века. «Катаклизмы, произошедшие в стране, затормозили, надолго отбросив развитие литературы назад, далеко в прошлое, но никоим образом не смогли прервать сами эманации духа, акты творческого созидания», - пишет в предисловии к книге Н. Витовцев в мае 2002 г.

В поле нашего зрения статья из 3 раздела «Избранник духов или размышления постсоветской поры о духовной реанимации Алтая». В ней сказано о реанимации и реабилитации в совокупности буддийско-христианской духовности Алтая на новом этапе

развития, внутреннего и все расширяющегося саморазвития. Для творческого человека в наше непростое время ставятся вопросы как устоять, как уберечь себя как творческую личность? Далее цитата: «Что есть, вообще говоря, проявления или откровения Духа Алтая? Каким образом, если не по тому же божественному промыслу, постигается нами то, что непостижимо вовне? Это что – поэзия, искусство, философия, путешествие или это все вместе и одновременно? Какая связь – прямая или опосредованная – Неба, Земли, Человека? Эманации духа, излучения мысли, проистекания слова». Такими риторическими вопросами задается сам автор и дает ответы на них. Что же такое дух? Это сознание, мышление, психические способности, начало, определяющее поведение, действия.

Бедюров-публицист говорит о подвижнической деятельности А. В. Анохина во имя служения Алтаю, отдавшему ради этого свою жизнь. Он стал избранником духов, вобрав в себя тайные познания алтайских шаманов на их языке. Похоронен он в Куйумской долине, ведь его, как феномена кама-интеллектуала забрали к себе алтайские шаманы. Б. Я. Бедюров правомерно считает, что «А. В. Анохин – один из редких исследователей духовной культуры Алтая, который по-настоящему, пожалуй, постиг, познал его потаенную, сокровенную суть» [3, с. 475-476]. Вот поэтому то вспоминаются слова поэта и публициста о том, что нет Алтая без алтайцев, и нет алтайцев без Алтая.

Еще один важный момент, касающийся научно-творческой интеллигенции можно увидеть в вопросе Бедюрова: «И есть ли, существует ли у нас наука как проявление национального духа и мысли, скажем, так, как алтайская литература и алтайское искусство? Имеет ли она свои, отличительные от тех или других, наработки и достижения? Свои имена и авторитеты – видные и слышимые, признанные в своей среде и сфере как, например, фольклорист и эпосовед С. С. Суразаков?» [3, с. 473-474]. Совершенно закономерный, правильный и своевременный вопрос, на который вряд ли кто ответит с полной уверенностью. Б. Бедюров как публицист достаточно корректен, избегая категоричных заявлений. Но все же полагает, что надо уважать своих научных руководителей и ученых-наставников, но нельзя всю жизнь ходить в подмастерьях и учениках. Подняв социально значимую проблему, которая напрямую касается духовной реанимации Алтая, он убеждает читателя-современника, особенно творческих людей в необходимости иметь свои взгляды и позиции. Побуждая читателя к активным поступкам и действиям и поддержке собственной позиции, Б. Я. Бедюров пишет: «Шаман без бубна – это не шаман. Тот не ученый, кто не имеет мыслительных, аналитических способностей. Гирлянды из цитат без собственных позиций – это не цветы живого духа». Отсюда мы понимаем, насколько глубинно постигает автор проблему духовной реанимации Алтая, ее злободневность в наше время. И настолько тактично, ненавязчиво, как бы ненароком, дает советы. Он выделил курсивом слова, обращенные к Духу Алтая, где просит *вселить в потомков мощь и силу, веру и свет его Истины. Просит выковать пояс – простой и надежный – между нами и миром, между обществом и природой, между стихией и человеком, между живым духом и бездушной антикультурой, между прошлым и будущим, между Словом и Дело!* [3, с. 476-477]. Писатель уверен в духовном потенциале интеллектуальной элиты современников, призывает развернуться навстречу новой, нарождающейся духовно-экологической цивилизации, наступающей на смену нынешнему, технотронному веку. По мнению Б. Бедюрова суть духовной реанимации Алтая состоит в системном подходе к собственному духовному наследию, призванному стать одним из важнейших составляющих будущей цивилизации.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что творческое наследие выдающегося публициста, поэта, культуролога Б. Я. Бедюрова требует собственного исследователя, так как автор творит уже на протяжении 50-ти с лишним лет. Нужно подлинное, вдумчивое и взыскательное прочтение, освоение и оценка богатого творчества яркого представителя алтайского народа.

Л и т е р а т у р а

1. Бедюров Б. Я. Слово о предтечах // Мудрый богатырь – Горно-Алтайск, 1987. – С. 113–135.
2. Бедюров Б. Я. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 63–65.
3. Бедюров Б. Я. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. Часть 2. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 476–477.
4. Белеков Д. И. Слово к современникам (Размышления о книге «Слово об Алтае») // Б.Я.Бедюров. Материалы к 60-летию со дня рождения. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 30–36.
5. Каташ С. С., Чичинов В. И. Путь молодой литературы. – Горно-Алтайск, 1973. – С. 107.
6. Суровцев Ю. О публицистике и публицистичности // Знамя. 1986, №4. – С. 208–224.

References

1. Bedyurov B. Ya. Slovo o predtechah // Mudryj bogatyr' – Gorno-Altajsk, 1987. – S. 113–135.
2. Bedyurov B. Ya. Slovo ob Altae. Istoriya, fol'klor i kul'tura. – Gorno-Altajsk, 1990. – S. 63–65.
3. Bedyurov B. Ya. Slovo ob Altae. Istoriya, fol'klor i kul'tura. Chast' 2. – Gorno-Altajsk, 2003. – S. 476–477.
4. Belekov D. I. Slovo k sovremennikam (Razmyshleniya o knige «Slovo ob Altae») // B.Ya.Bedyurov. Materialy k 60-letiyu so dnya rozhdeniya. – Gorno-Altajsk, 2007. – S. 30–36.
5. Katash S. S., Chichinov V. I. Put' molodoj literatury. – Gorno-Altajsk, 1973. – S. 107.
6. Surovcev Yu. O publicistike i publicistichnosti // Znamya. 1986, №4. – S. 208–224.

Н. А. Хуббитдинова

Художественное творчество Амира Аминева: приемы и способы изображения

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН;

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Аннотация. Изучение творчества писателей, анализ художественных методов, приемов художественного творчества является актуальным направлением в литературоведении. Актуальность более всего усиливается при рассмотрении творчества современных авторов, внесших своим творческим достижением большой вклад в развитие национальной литературы в особенности.

Цель исследования: раскрыть художественное творчество башкирского прозаика, переводчика Амира Аминева, выявить приемы и способы его писательской деятельности на основе изучения рассказов, повестей писателя, репрезентации мастерства автора в переводческой работе. Методами исследования выбраны биографический, описательный, культурно-исторический способы анализа.

Результатами исследования стали выявленные особенности и своеобразие писателя в умении изобразить реалистичные картины из жизни с помощью особенных художественных деталей, фантастических приемов и форм художественной условности. Все это по особенному влияет на восприятие действительности. Произведения Аминева являются образцом неожиданного, внезапного раскрытия истины, новеллистичностью и реалистичностью.

Исследование является перспективной и может послужить началом для изучения творчества не только писателей, покинувших мир, но и живущих сегодня и творящих свои высокохудожественные произведения во благо национальной литературы. В результате проведенного раскрыты особенности творческого мастерства, лабораторий башкирского писателя Амира Аминева. Они заключаются в его умении в иносказательной форме раскрыть неприглядные стороны человека, в смелом применении методов неореализма и сюрреализма, элементов фантасмагории, чем обогащаются художественные методы национальной литературы, открываются ей новые формы и творческие стили, что отличает творчество Аминева от других башкирских писателей.

Ключевые слова: художественное творчество, художественные приемы, способы, Амир Аминев, башкирская литература, повести, проза, перевод.

ХУББИТДИНОВА Нэркэс Ахметовна – д. филол. н., главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Научно-исследовательского центра башкирского фольклора Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

E-mail: narkas08@mail.ru

KHUBBITDINOVA Nerkes Akhmetova – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Research Center of Bashkir Folklore, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

N. A. Khubbitdinova

Artistic creativity of Amir Aminev: techniques and way of image

Institute of History, Language and Literature, UFRС RAS;
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

Abstract. The study of the work of writers, the analysis of artistic methods, techniques of artistic creativity is an important trend in literary criticism. The relevance is most enhanced when considering the work of contemporary authors who have made a great contribution to the development of national literature in particular with their creative achievement.

The purpose of the article is to reveal the artistic creativity of the Bashkir prose writer, translator Amir Aminev, to identify the techniques and methods of his writing. The tasks were the study of the writer's stories, novels, the representation of the author's skill in translation work, etc.

Research methods are biographical, descriptive, cultural and historical methods of analysis. The results of the study were the revealed features and peculiarities of the writer in the ability to depict realistic pictures from life with the help of special artistic details, fantastic techniques and forms of artistic convention. All this has a special effect on the consciousness and perception of reality. His works are a great achievement of the writer, an example of an unexpected, sudden disclosure of the truth, novelistic and realistic.

The study is promising and can serve as a starting point for studying the work of not only writers who have left the world, but also those who live today and create their highly artistic works for the benefit of national literature.

As a result of the analysis, the creative skill of the laboratories of the Bashkir writer Amir Aminev was established. They lie in his ability in an allegorical form to reveal the unattractive sides of a person, in the bold application of the methods of neorealism and surrealism, elements of phantasmagoria, which enriches the artistic methods of national literature, bringing it new forms and creative ways. This distinguishes him from other Bashkir writers.

Keywords: artistic creativity, artistic techniques, methods, Amir Aminev, Bashkir literature, stories, prose, translation.

Введение

Известный башкирский писатель Амир Мухаметович Аминев пришел в литературу в 80-х гг. прошлого столетия. Его творчество стало ярким событием в современной литературной жизни республики. Он внес значительный вклад в развитие новой башкирской литературы. Его произведения отличают глубокий психологизм, использование приемов фантасмагории, иносказательности, образности («Березовый лист», «Волчата», «Снежный человек», «Водоворот», «Три джигита», «Ворота», «Китай-город», «Танкист» и др.). Эти качества с ростом количества произведений только обогащаются и совершенствуются новыми художественными находками, и способами изображения. Можно сказать, что А. Аминев своим творчеством в национальной литературной мысли утвердил идею о возможности применения не только традиционных приемов и способов изображения, но и обращения к современным методам художественности, неореализма и сюрреализма, элементам фантасмагории.

Амир Аминев родился 1 января 1953 г. в д. Сабай Гафурийского района Башкортостана. Высшее образование получил в Литературном институте им. А. М. Горького в г. Москве. Долгие годы работал в журнале «Агидель» старшим литературным сотрудником, заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем главного редактора (1980-1998), являлся главным редактором юношеского журнала «Шонкар», главным редактором республиканского журнала «Агидель».

Творчество Амира Аминева в башкирской литературоведческой науке никем специально не изучалось, ему были посвящены отдельные статьи и выступления на страницах газет и журналов [7; 5; 12; 13; 9; 14 и др.]. Творчество писателя рассматривалось в ряде научных статей молодых исследователей. Так, в статье Г. Г. Кусярбаевой «Художественное своеобразие изображения человека в повести Амира Аминева «Китай-город» рассматривается образ человека в идейно-эстетическом, художественном контексте [8, с. 349]. В статье А. Ш. Абдуллиной «Жизнеутверждающее начало в рассказе А. Аминев «Трижды семь» исследуется художественно-эстетическое своеобразие названного рассказа. Как верно отмечает исследователь, «Самобытность писателя подтверждается уже тем, что его творчество не укладывается в жесткие рамки реализма. А. Аминев в жанровых исканиях перекликается и с опытом старшего поколения писателей в их новых произведениях (М. Карим, Н. Мусин, А. Хакимов, Т. Генатулин), а в проблематике, в структурно-стилистических приемах и многих концептах своей художественной системы – с условно-метафорической прозой» [1]. Конечно, многогранная творческая деятельность писателя заслуживает отдельного монографического исследования, введение в научный оборот его произведений значительно обогатит национальную науку и критику.

Основная часть

«Березовый лист» (1981) – первая книга рассказов писателя. В книгу вошли рассказы, от которых веет открытостью и искренностью молодости, свойственных ей радужных мыслей и чувств. В следующей книге «Мелодии молодости» (1989) уже наблюдается расширение и углубление темы его рассказов, отшлифовывается карандаш писателя и способы, приемы творческого отражения этой темы. Символические явления, образы в произведениях А. Аминев обобщаются и имеют важные идейное и художественное значение. В них каждая деталь, формы и явления, даже диалог героев помогают в раскрытии основной темы, характеров героев, играют важную художественную роль в развитии сюжета. Например, в рассказе «Ворота» («Капка»), получившего большой резонанс на страницах республиканских газет, изображаемый образ обычных ворот творчески обобщается и возвышается до степени ворот души. Другими словами, автор расширил творческие возможности, мастерство, отшлифовал свой карандаш, укрепил мысли и мировосприятие [10].

Произведения, вошедшие в книгу писателя «Водоворот» («Сөңгөл») (2001), построены на своеобразном сюжете, их отличает стиль, мастерство изображения развития событий, что свойственно только Амиру Аминеву. Книга открывается документальной повестью «Тысяча и одно мучение». Главным героем является прошедший всю войну, переживший ужасы вражеского лагеря, но бежавший оттуда, организовавший партизанский отряд в тылу врага лейтенант Сайфулла Мажитов. Следовательно, в данном случае А. Аминев как писатель попробовал свое перо и в жанре документальной повести, укрепив тем самым свое писательское мастерство.

В таких полных таинственности, полуусловностей рассказах «Волчата», «Снежный человек», «Водоворот», «Три джигита», вошедших в рассматриваемый сборник, А. Аминев расширил литературное мастерство не только в идейно-тематическом отношении, но усовершенствовал изобразительные средства, ввел символические элементы, чем углубил смысл и значимость произведений. Это было результатом поисков в разнообразии поэтики, находок в языковых и стилистических особенностях, нового опыта и открытий.

К примеру, особенно отличается рассказ «Снежный человек». Существующие известные истории о снежном человеке А. Аминев переносит в просторы горы Магаш-тау, вводит в реальную жизнь своих односельчан, которые пытались изловить его. Образ снежного человека он изображает как реальное существо – зверь – так, как будто он в реальности существовал в их краях. Конечно, каждый из нас когда-то, где-то читал о снежном человеке, йети, видел его портрет, другими словами, имеет хоть какое-то мало-мальски представление о них. Однако в художественном произведении это полуреальное, полумифическое существо пропускается писателем сквозь призму образности, придается ему известное идейно-художественное значение. Через этот образ писатель изображает некоторых людей с более чем у снежного человека звериным началом, сопряженным со злом и варварством. В иносказательной форме автор сумел показать, как человек, в бесконечной погоне за богатством и прибылью, не может унять жадность, становится распушенным, в результате из человека превращается в зверя, в общество приносит страх, по-варварски угрожает ему [10]. «Жадностью человек порождает своими руками себе врага», говорит сам автор. Этим он, как обычно, напоминает, предупреждает все человечество, общество.

В 2003 г. вышел сборник рассказов и повестей под одним названием «Ворота», куда вошла ставшая популярной повесть «Китай-город». Под этим названием в 2007 г. вышел сборник произведений А. Аминева на русском языке.

Как отмечают известные башкирские литературоведы, повести А. Аминева вобрали в себя результаты художественных достижений современной башкирской и русской литератур XXІ в., их новые творческие методы и направления [11; 6, с. 23]. Автор успешно следует западно-европейским литературным методам неореализма и сюрреализма, элементам фантазмагии и мастерски реализует их в своих повестях, что актуализирует их на современном этапе развития национальной литературы, при помощи новых форм и творческих способов описания окружающего мира. Этим он во многом отличается от многих своих соратников по перу.

Повесть А. Аминева «Китай-город», будучи написанной в данном ракурсе, хранит в себе традиционные художественные элементы и детали, вызывающие интертекстовую отсылку и к русской литературе XIX в. Другими словами традиционные и новаторские приемы успешно применяются в повести писателя. В данном случае, как отмечает известный башкирский поэт С. Абузаров, начало повести А. Аминева «Китайгород» интуитивно реминисцирует с комедией Н. В. Гоголя «Ревизор» [2]. Как известно, произведение начинается со слов городничего: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие». Повесть «Китайгород» – со слов председатель колхоза «Вперед»: «Я вас пригласил, чтобы сообщить очень необычное известие... Завтра к нам едет глава администрации!» [2]. У Гоголя далее следует следующее: «Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Без сомнения проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично». У Аминева председатель продолжает: «...Приведите в порядок улицы, чтобы не было мусора, не валялись бревна, дрова. Покрасьте заборы, старые замените, на красном полотне напишите «Добро пожаловать, дорогие гости!» и повесьте над воротами...» [2]. Жители деревни Хыбай тут же взялись дружно исполнять приказ председателя. Этим сравнением С. Абузаров, конечно, хотел сказать, что с прошествием времени ничего не изменилось в России, во все века маски не снимаются с лица души [2].

Г. Г. Кусярбаева, рассуждая о схожести стиля повествования Н. В. Гоголя, обнаружила реминисценцию также на другое произведение великого русского классика – на его повесть «Нос». В частности, автор указывает на то, что «в обоих произведениях «происходят вещи» странные, противоестественные, и происходят они в мире совсем не фантастическом, не воображаемом, а в реальнейшем» [8, с. 349].

Характер, поведение героев повести у А. Аминева формируются сами по себе в ходе развития событий и предстают перед нами, раскрывшись с помощью ярких штрихов и деталей. Например, агроном на вопрос председателя «Свеклу отправили?», так отвечает: «Думал, будет три воза, но уместилось в две машины. Отправили». Как видим, на конкретный вопрос председателя агроном не дает конкретного, прямого ответа «Закончили», но и не три воза. Все же упоминает «три».

Этой повести А. Аминева, как и другим его произведениям, свойственно наличие скрытого смысла, образности, намека, символических деталей. Внутри одного произведения писателя может поместиться другое произведение. В этом отношении его повесть «Китай-город» привлекает к себе силой символизма, хранит в себе двухслойность (произведение в произведении). Застывшая посередине свекольного поля машина «ЗИЛ» тому точная иллюстрация. Как известно из повести, сельчане, мыкавшиеся в необустроенной деревенской жизни, мечтали жить без проблем и забот в городе и, когда их мечта сбылась и всех перевезли в город и заселили в одном многоквартирном доме, они вдруг заскучали по своей земле. Когда же они вернулись, чтобы обратно забрать свои дома и участки, то наткнулись на препятствие: китайцы, которых они совсем недавно приветливо встречали с хлебом и солью, предстали перед ними в военных формах, касках и дубинками в руках. Вроде все вокруг изменилось, новые дома и сооружения воздвигли эти китайцы, но тот самый «ЗИЛ», застрявший и до сих пор пребывающий в грязи посреди свекольного поля, напоминает им о прошлом. Он как бы символизирует колхоз «Вперед», который застрял и ни вперед, ни назад не может идти. И название-то колхоза не какое-нибудь, а – «Вперед», что в переносном смысле также ассоциирует судьбу сельчан. Мораль повести в том, что через гиперболизацию и метафору изображается жизнь сельчан, которые хотели пожить легкой городской жизнью, но тоска по земле заставила их вернуться на родину, где жизнь никак не идет *вперед*, хоть ты сто раз назовись «Алга» – «Вперед». Слово только и останется словом.

А. Аминеву свойственно «использование в реалистическом произведении не прямого, а косвенного, иносказательного, фантастического и символического способа в отражении действительности», что говорит об «обогащении литературы новыми художественно-выразительными средствами. Кроме того, создание внереальных ситуаций также обусловлено тем, что противоречивая объективная реальность требовала иной трактовки смысла человеческого существования и перспектив общественного развития» [7, с. 350]. Всю реальность жизни А. Аминев старался показать с помощью своего художественного взгляда, различных художественно-стилевых приемов. Это позволило на современном материале изобразить полную картину истинных качеств, делающих башкира башкиром, раскрыть место родной земли в его жизни. Несмотря на то, что комические ситуации изображаются в ироническом тоне, в их основе лежит трагедия. Сюжет повести развивается в разоблачительном тоне, где ирония переходит в сатирическое описание. Если бы на основе этой повести создавалась пьеса, то она была бы трагикомедийной [4, с. 38-39].

Схожие приемы, стиль и художественные способы изображения были применены писателем и в рассказе «Звездный цветок» («Йондоз сәскә» (2012). Этой повести также характерно введение нереального, фантастического, аллегорического в вполне себе реальные события действительности. Произведение также начинается с изображения обычной жизни обычного человека. А именно: жизнь обычного сельского учителя Рауфа, жившего своей размеренной жизнью, в один из осенних ночей переворачивается с ног на голову. Все начинается с того, что его, как и многих других людей, погрузили в кузов грузовой машины и увезли в неизвестном направлении. У читателя тут же возникает ассоциация с картинами суровых дней кровавого 1937 г. с «черным вороном» у ворот или подъездов. Эта мысль более всего усиливается при описании внешности

сопровождающих его сурового вида людей в шляпах и длинных черных блестящих плащах. Они назвались полицией. Везли его довольно долго и в какой-то момент привезли к дому в неизвестном месте и заперли там одного. Кажется, что автор вот-вот раскроет все карты и даст понять, что все происходящее – это какой-то сон, герой как бы бредит во сне. Однако суровая реальность происходящего, серьезность отношения писателя к изображаемым событиям и к своим образам рушат все надежды на спасение героев. В то же время именно эта безысходность и напряженность ситуации заставляет нас углубиться в этот липкий и притягивающий своей неизвестностью водоворот событий. В этом водовороте смешались исторические лица и картины из прошлых столетий, которые некогда имели место быть в этих краях.

Действительно, во время всей этой непонятной и бесконечно растянутой во времени ситуации герою приходится пережить события, относящиеся к различным периодам исторического времени: он, то наблюдает за картиной казни национального героя Салавата и его отца Юлая, то становится свидетелем Отечественной войны 1812 года и т.д. Кажется, что автор этим хотел напомнить о кровавом прошлом нашего народа, как бы призывает не забывать об этом. Рауф как будто сам становится свидетелем этих событий, что, наблюдая за казнью героев, не выдерживает и вскрикивает: «Остановитесь, что вы делаете, сволочи! Это ведь – Салават!» [3, с. 145].

Пребывая в полной неизвестности ни о своих близких, ни о местонахождении самого себя, ни о происходящих событиях, теряя счет во времени, Рауф обнаруживает во дворе своего дома-тюрьмы красный Звездный цветок, олицетворяющий собой вспыхнувшую надежду на спасение. Действительно, образ данного красного цветка дает надежду не только герою, но и читателям в том, что даже самые мрачные и страшные сны когда-нибудь да закончатся, и утром обязательно проснувшись, увидишь яркое солнце дня. Когда подселенная к нему женщина с созвучным его имени именем Рауфа вскоре по причине вынужденного продолжительного совместного проживания в замкнутом пространстве и возникшего при этом то ли чувств, то ли влечения друг к другу или еще чего, забеременела, в ожидании рождения ребенка эта надежда усиливается вдвойне.

Кажется, главным смыслом повести является то, что женщина, которая не могла родить в течение трехлетнего брака, обрела это счастье от мужчины, имя которого созвучно с ее собственным. Потому, что ребенок – это смысл жизни, осуществление надежды в будущем. И Звездный цветок здесь также выполнял функцию лейтмотива, выливающегося в символ той же надежды на спасение, свободную жизнь. Эту идею усиливает название цветка как звездного, чего то далекого и близкого как надежда.

А. Аминев известен не только как талантливый прозаик, но и как искусный публицист. У него опубликовано немало различных интервью, выступлений. Подборка подобных выступлений и публикаций собрана и опубликована в его книге «Слово моим соратникам по перу» (2012). В материалах, вошедших в данный сборник, даются наблюдения, анализ и оценка процессов, идущих в башкирской литературе. В них отразились размышления, выражаются глубокие и обоснованные мысли о современниках, соратниках по перу. Сборник состоит из различных жанров и состоит из трех разделов. Кроме наблюдений и анализа башкирской прозы, литературных процессов, сюда вошли содержательный анализ, рецензии отдельных произведений своих коллег-современников литераторов. Например, внимание уделяется произведениям Н. Мусина, Т. Генатулина и др. В сборник также вошли доклады, с которыми писатель выступил на различных съездах, форумах, собраниях писателей. Они отражают степень развития башкирской литературы, ее отрицательные и положительные стороны, объективно показывают ее достижения.

Амир Аминев также делает успехи и в области перевода. Он в особенности известен как искусный переводчик на родной башкирский язык произведений писавшего

на русском языке башкирского писателя Талхи (Анатолия) Гиниатуллина. Также известны его переводы на башкирский язык произведений А. Платонова, В. Распутина, В. Белова.

За сборник произведений под названием “Китай-город” в 2012 г. А. Аминев был удостоен “Большой литературной премии России”.

Заключение

Таким образом, в повестях А. Аминевы реалистичные картины изображаются с помощью особенных художественных деталей, фантастических приемов и форм художественной условности. Все это по особенному влияет на сознание и восприятие действительности, обогащает эстетически и дает этически-воспитательный эффект. Писатель мастерски раздвигает временные рамки, вклинивая одно с другим, нарушая тем самым пространство времени. Тесная связь фантастики с реальностью, свободное апеллирование полуреальностью и полуфантастичностью во многом дают возможность опосредованно и образно отразить реальную действительность с ее реальными, настоящими людьми. Его повести, как и другие произведения, являются большим достижением писателя, образцом неожиданного, внезапного раскрытия истины. Своим своеобразным творчеством А. Аминев поднял башкирскую национальную литературу на совершенно новый уровень, давая возможность молодым писателям пробовать в своем поприще новые художественные методы, стили, при этом не забывая и художественные и стиливые приемы известных классиков отечественной литературы.

Л и т е р а т у р а

1. Абдуллина А. Ш. Жизнеутверждающее начало в рассказе А. Аминевы «Трижды семь» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2. [Электронный ресурс] URL. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12439> (дата обращения: 16.09.2022).
2. Абузаров С. «Ворота» таланта // Башкортостан. – 2012, 6 декабря (на баш. яз.).
3. Аминев А. Ворота: Повести, рассказы. – Уфа: Китап – 2003 (на баш. яз.).
4. Аминев А. Слово моим соратникам по перу. Уфа: Китап – 2012 (на баш. яз.).
5. Валиев Д., Рязанов Р. Он открывает миру наше духовное наследие // Башкортостан. – 2001, 1 октября (на баш. яз.).
6. Гареева Г. Н. Особенности современной прозы. Уфа: Китап – 2009 (на баш. яз.).
7. Генатулин А. Другая литература. Размышления о творчестве башкирского прозаика Амира Аминевы // Бельские просторы. – 2007. – № 11.
8. Кусярбаева Г. Г. Художественное своеобразие изображения человека в повести Амира Аминевы «Китай-город» // Проблемы истории, культуры, филологии. – 2013. – №4. – С.349–353
9. Сулейманов А. Он страны знакомит друг с другом // Башкортостан. – 2002. 1, 2 июня (на баш. яз.).
10. Хусаинов Г. Б. Ворота души // Башкортостан. – 2003, 16 декабря (на баш. яз.).
11. Хусаинов Г. Б. Взгляд на творчество Амира Аминевы // Башкортостан. – 2009, 1 декабря (на баш. яз.).
12. Юлдашбаев А. Дух поэта непременно возрадуется // Республика Башкортостан. 2001, 9 сентября (на баш. яз.).
13. Юлдашбаев А., Рязанов Р. Открывая миру свой народ // Республика Башкортостан. 2002, 1 ноября (на баш. яз.).
14. Юлдашбаев А. Сила переводчика – в слове // Йэшлэк. – 2003, 6 марта (на баш. яз.).

References

1. Abdullina A. Sh. Zhizneutverzhdayushchee nachalo v rasskaze A. Amineva «Trizhdy sem'» // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – №2. [Elektronnyj resurs] URL. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12439> (data obrashcheniya: 16.09.2022).
2. Abuzarov S. «Vorota» talanta // Bashkortostan. – 2012, 6 dekabrya (na bash. yaz.).
3. Aminev A. Vorota: Povesti, rasskazy. – Ufa: Kitap – 2003 (na bash. yaz.).
4. Aminev A. Slovo moim soratnikam po peru. Ufa: Kitap – 2012 (na bash. yaz.).

5. Valeev D., Ryazyapov R. On otkryvaet miru nashe duhovnoe nasledie // Bashkortostan. – 2001, 1 oktyabrya (na bash. yaz.).
6. Gareeva G. N. Osobennosti sovremennoj prozy. Ufa: Kitap – 2009 (na bash. yaz.).
7. Genatulin A. Drugaya literatura. Razmyshleniya o tvorchestve bashkirskogo prozaika Aira Amineva // Bel'skie prostory. – 2007. – № 11.
8. Kusyarbaeva G. G. Hudozhestvennoe svoeobrazie izobrazheniya cheloveka v povesti Amira Amineva «Kitaj-gorod» // Problemy istorii, kul'tury, filologii. – 2013. – №4. – S.349–353
9. Sulejmanov A. On strany znakomit drug s drugim // Bashkortostan. – 2002. 1, 2 iyunya (na bash. yaz.).
10. Husainov G. B. Vorota dushi // Bashkortostan. – 2003, 16 dekabrya (na bash. yaz.).
11. Husainov G. B. Vzglyad na tvorchestvo Amira Amineva // Bashkortostan. – 2009, 1 dekabrya (na bash. yaz.).
12. Yuldashbaev A. Duh poeta nepremenno vozraduetsya // Respublika Bashkortostan. 2001, 9 sentyabrya (na bash. yaz.).
13. Yuldashbaev A., Ryazyapov R. Otkryvaya miru svoj narod // Respublika Bashkortostan. 2002, 1 noyabrya (na bash. yaz.).
14. Yuldashbaev A. Sila perevodchika – v slove // Jeshlek. – 2003, 6 marta (na bash. yaz.).

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 821.512.157(808.1)

DOI 10.25587/litteraefsvfu.2022.32.52.005

Н. А. Ефремова

Колористика в рассказах Николая Габышева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию цветовой картины мира в прозе якутского писателя Н. А. Габышева. Исследование направлено на выявление ключевых колоративов в тексте оригинала, а также на описательный анализ перевода отрывков с колоративами. Основным объектом служат отобранные рассказы из книги «Сүүс кэпсээн» («Сто рассказов»), изданного в 1982 г. в Якутском книжном издательстве; переводы текстов, подготовленные С. Ивановым, В. Поповым, Т. Резовой в 1970-80-е гг. Анализ показал, что в рассказах преобладают ахроматические абсолютные цвета: *үрүн/манан* 'белый', *хара* 'черный', с наименьшей частотностью использованы хроматические цвета: *күөх* 'голубой, синий', *араҕас* 'желтый', *кыһыл* 'красный'. Интересен тот факт, когда писатель мастерски использует оттеночные колоративы белого и черного цветов. Важно отметить, что в якутском языке ахроматические цветоименования *үрүн/манан*, *хара* имеют множество спектральных оттенков, которые передаются в речи аналитическим способом словообразования методом сравнения к определенному явлению или предмету. Например: *муус манан* 'ледянисто-белый', *хаар манан* 'снежно-белый', *туус манан* 'белая как соль', *үрүмэччи манан* 'белый как бабочка', *сыа манан* 'белый как жир'. Колоратив "белый" в якутском языке передается двумя словами: *үрүн / манан*. Это равноправные синонимы. А под колоративом *күөх* можно понять два разных цвета: голубой, синий и зеленый. Различить их можно только исходя из контекста или рядом примыкающего к нему слова: *халлаан күөбэ* 'синий, голубой' досл. перевод 'цвет неба; *от күөбэ* 'зеленый' досл. перевод 'цвет травы'. Таким образом, колоративы имеют свою национально-культурную специфику, которая тесно переплетается с языковой картиной данного текста приведенный на языке саха. В работе использован метод описательного лингвистического анализа текстов оригинала и перевода в сопоставительном аспекте. С помощью колоративов писатель создал яркие картины северного пейзажа, а также типичные, но в то же время яркие самобытные образы советских людей времен трудового социализма.

Ключевые слова: проза, рассказы, колористика, цветообозначения, ахроматические и хроматические цветоименования, *үрүн / манан* 'белый', *хара* 'черный', *күөх* 'голубой, синий', *араҕас* 'желтый', *кыһыл* 'красный', перевод на русский язык, стилистическое своеобразие текста.

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Language Stylistics and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. A. Efremova

Colouring in Nikolay Gaybshev's stories

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the linguistic description of the colour picture of the world in the prose of the Yakut writer Nikolay Gabyshev. The study is aimed at identifying the key colours in the original text, as well as at a descriptive analysis of the translation of passages with colours. The main object is selected stories from the book "Suys kepseen" (*100 Hundred Stories*), published in 1982 by the Yakut book publishing house; translations of texts prepared by S. Ivanov, V. Popov, T. Rezvova in the 1970-80s. Achromatic absolute colorus predominate in the stories: *ürün/maṇan* 'white', *khara* 'black', chromatic colours are used with the least frequency: *küökh* 'sky blue, blue', *araṣas* 'yellow', *kyhyl* 'red'. An interesting fact is when the writer skillfully uses tint colours of white and black. It is important to note that in the Yakut language achromatic colour names *ürün/maṇan* and *khara* have many spectral shades that are transmitted in speech in an analytical way of word formation by comparison to a certain phenomenon or object. For example: *muus maṇan* 'ice-white', *khaar maṇan* 'snow-white', *tuus maṇan* 'white as salt', *ürümechchi maṇan* 'white as a butterfly', *sya maṇan* 'white as fat'. The colourative "white" in the Yakut language is conveyed in two words: *ürün/maṇan*. These are equal synonyms. And under the colourative *küökh* one can understand two different colors: *sky blue, blue, and green*. They can be distinguished only on the basis of the context or a word adjacent to it: *khallaan küöḣe* (lit. 'colour of the sky') means 'sky blue, blue'; *ot küöḣe* (lit. 'colour of the grass') – 'green'. The method of descriptive linguistic analysis is used in the work. Thus, coloratives have their own ethnic and cultural specificity, which is closely intertwined with the linguistic picture of this ethnic group. The paper uses the method of descriptive linguistic analysis of the texts of the original and translation in a comparative aspect. With the help of colourifiers, the writer created vivid pictures of the northern landscape, as well as typical, but at the same time bright original images of Soviet people from the times of labor socialism.

Keywords: prose, stories, colouring, colour naming, achromatic and chromatic colour naming, *ürün/maṇan* 'white', *khara* 'black', *küökh* 'sky blue, blue', *araṣas* 'yellow', *kyhyl* 'red', translation into Russian, stylistic originality of the text.

Введение

Актуальность исследования обусловлена неугасающим интересом современной лингвистики к колоративам, используемых писателями в литературных произведениях. Цель статьи – выявление ключевых колоративов в рассказах Николая Габышева, а также лингвостилистический анализ переводов цветовых наименований в сопоставительном аспекте.

Язык является мощным фактором формирования культурных кодов, и роль его состоит не только в передаче информации, но и во внутренней организации того, что подлежит сообщению [2, с. 63]. Колоративы целесообразно описывать комплексно, в рамках выделенных критериев (семантического, грамматического, критерия соотнесенности с традиционными орнаментальными средствами, критерия взаимодействия колоративных тропов и фигур, функционального), что позволяет целостно представить элокуцию цвета в языке и речи [5].

Традиционная цветовая гамма якутов отличается от аналогичных примеров русской культуры. Писатель советской эпохи Николай Габышев использует цвета, которые

присущи северянам: белый, черный, синий/голубой, зеленый, желтый, красный. Надо сказать, что голубой, белый, зеленый, красный цвета присутствуют в основном атрибуте нашей республики – во флаге.

О жанровых особенностях произведений Н. Габышева

Николай Алексеевич Габышев – якутский писатель-романтик, которому исполнилось бы в этом году 100 лет. В литературную жизнь родной республики вошел еще в 1946 г. Первый крупный успех к нему пришел после выхода повести «Ыраах Амычаанна» («В далеком Амычане») [23] в 1951 г. В дальнейшем им написано, кроме рассказов, много повестей и пьес. Также он стал автором социально-психологического романа «Таптыыр харахпынан» («Любящим взглядом») [18], начатого им в 1947 г. и неоднократно опубликованного фрагментами в журнале «Хотугу сулус» («Полярная звезда»). Однако критики посчитали этот роман незавершенным. В полном формате книга вышла только в 2002 г. после смерти писателя.

Литературовед, критик В. Б. Окорова пишет: «Н. Габышев получил признание у читателей прежде всего как автор и мастер рассказа, его талант полностью развернулся в этом малом эпическом жанре. Он автор более 300 рассказов самой различной жанровой разновидности. Его лирико-романтические рассказы написаны на волне настроений т. н. времени “оттепели”. Писатель ставил задачу создания образов простого человека-труженика и раскрыть в нем черты прекрасной личности, которые раскрывались им в повседневных буднях и в быту. Также он писал психологические, детективные рассказы. При этом он сам признавался, что в своем творчестве раскрывает две основные темы – темы любви и Севера. Во всех рассказах ощущается любовь к простому человеку и родному краю» [25, с. 42].

А. А. Бурцев в своей монографии «Якутский рассказ XX века: проблематика и поэтика жанра» посвятил творчеству писателя целую главу, в которой описывается жанровое своеобразие рассказов Николая Габышева: «Хотя сам автор пользовался общим понятием «рассказ», его произведения демонстрируют целый ряд разновидностей малых эпических жанров. В его малой прозе представлены образцы психологических рассказов (“Тоска”, “Последнее свидание”), событийных новелл (“В Алазее”, “День был дождливый, облачный”), лирических историй (“Анфиса”, “О, Север, Север!”), бытовых зарисовок (“Уйти и не вернуться”), очерковых повествований (“Белый дом”, “Человек из тундры”) и даже лаконичных острых изречений, «горьких ягодок», по авторскому определению <...> Н. Габышев зарекомендовал себя как один из самых искусных художников слова в национальной литературе, очень взыскательно относившийся к собственному творчеству. Его произведения отличаются глубоким психологизмом, нравственно-философским пафосом, сюжетно-композиционной отточенностью, сочным языком» [1, с. 154, 171-172].

Стилистика произведений писателя всегда вызывал большой интерес среди молодых исследователей. «Будучи мастером пера, он смог передать своим читателям гармонию жизни и слова в своих “Ста рассказах”», - пишут языковеды [3, с. 110].

Книги Н. Габышева «Таптыыр оҕолорум: кэпсээннэр» («Любимые дети мои: рассказы», 1956) [17], «Билэр дьонум: кэпсээннэр» («Мои знакомые»: рассказы», 1958) [8], «Үчүгэй дьон: сэхээннэр, кэпсээннэр» («Хорошие люди: повести и рассказы», 1961) [20], «Ый күлэр: кыракый кэпсээннэр» («Луна смеется: короткие рассказы», 1961) [22], «Таптал» («Любовь», 1964) [16], «Мин муммутум: оскуола кыра саастаах оҕолоругар» («Как я заблудился: для детей младшего школьного возраста», 1965) [12], «Халыма сибэккилэрэ: сэхээн» («Цветы Колымы: повесть», 1967) [21], «Эн биһикки олохпут: кэпсээннэр» («Наша с тобою жизнь: рассказы», 1972) [24], «Сүүс кэпсээн» («Сто рассказов», 1982) [14], «Үтүө аргыстар: орто уонна улахан саастаах оҕолорго» («Добрые спутники: для детей среднего и старшего возраста», 1982) [19], «Көрдөөх Күндэлэй: көр-күлүү, элэк-эгэлгэ кэпсээннэр» («Веселый Кюндэлэй: Веселые рассказы», 1986) [10], «Күһүннү кустук» («Осенняя радуга», 1988) [11], «Анфиса» (2012) [7] пользуются большим спросом у маленьких и взрослых читателей.

Рассказы Н. Габышева были переведены на русский язык разными авторами. Книги «В далеком Амычане» (авторизованный перевод В. Авдеева, 1955) [9], «Счастье Уллы» (переводы В. Попова, Т. Резвовой, 1972) [15], «Серебряная береза» (переводы А. Кременского, Н. Глазкова, С. Иванова, 1988) [13] широко известны за пределами Якутии.

Также он известен, как автор учебников по якутской литературе, изданных с 1950 по 1985 гг. Им переведены на якутский язык художественные произведения русских писателей Т. Шевченко, В. Ажаева, Б. Горбатова, А. Корнейчука, М. Шатрова и др.

Колоратив *үрүн/манган* ‘белый’

У многих народов белый цвет ассоциируется с чем-то светлым, добрым и чистым. В якутской лингвокультуре белый цвет символизирует благодать, счастье и святость. В якутском языке слово ‘белый’ передается двумя разными синонимами-лексемами *үрүн/манган*, что резко отличается от других родственных языков. В алтайском, киргизском, тувинском, хакасском языках ‘белый’ передается лексемой **ак**.

Самым любимым цветом древних якутов является белый (юрюнг, манган) цвет. Все лучшее, прекрасное, почитаемое наделяется этим эпитетом («белое солнце», «Белый высокочтимый господин» - бог, «Белый Юноша» - (богатырь), «белый напиток» божественный молочный продукт, «белые безгрешные девушки», «пречистая белая долина»). Даже величайшее небесное светило – солнце у разных народов имеет различные эпитеты. Для русских оно “красное”, а для якутов – “белое” [4, с. 25].

В рассказах Н. Габышева колоративы *үрүн/манган* встречаются в рассказе «Анфиса»: «Хоһугар, чугастан Анфиса өссө тупсан кестөр, мөтөгөр түөһүн ыга ылбыт манган свитердээх, кыра хара кырыпахтардаах манган баартыктаах, үрүн түү хаймыылаах түүппүлэлээх – килиэккэбэ хаайтарбыт манган кыталык курдук кыараҕас хоско туналынныыр» [14, с. 148] ‘Здесь, в своей комнате, Анфиса еще больше нравилась ему. Белый свитер туго обтягивал ее высокую грудь. Анфиса быстро и ловко двигалась по комнате, быстро бросала какие-то, впрочем, совершенно незначающие, слова...’ [13, с. 131]. Как мы видим, текст перевода (С. Иванова) сокращен; в оригинале цветообозначающие слова использованы в четырех местах: в описании свитера, фартука, окантовки туфлей, в сравнении со стерхом. С помощью данного колоратива автор идеализирует свою героиню в течение всего повествования, придавая тем самым романтический стиль описанию образа.

Далее рассмотрим еще один пример: «Хаардаах тунаархай хонуу эмиэ хаар манган халлааннын силбэспиттэр. Тула – үүт-тураан, арай, өрүс, уулаах курдук, хараарар. Унуор, үрүн суол тыргыллар. Тула – үрүн туундара, үрүн халлаан. Үрүн дьол» [14, с. 130] – ‘Белесая, покрытая снегом земля болот и кочек слилась с беловато-серебристым небом, и совсем не отличишь, где черточка горизонта. Ни звука, ни шороха. Вокруг туманное море, в котором чернеет широкая река, словно совсем и не замерзала, так чисто сметает ветер снег со льда’ [15, с. 65]. Колоратив *үрүн* используется при описании зимней тундры в прямом значении. Однако название этого рассказа «Үрүн дьол» (дословно «Светлое счастье», в переводе В. Попова название рассказа «Чудак») дает нам знать, что колоратив использован в переносном значении. Рассказ повествует об одиноком мужчине, который каждый день, не теряя надежды, тоскливо ждет жену, ушедшую вместе с другим мужчиной двенадцать лет назад: «Үчүгэй, холку баҕайы киһи суолу маныйр. Уон иккис сылын күүтэр. Олорор. Өссө күүтүө. Өссө олоруо... Сүрбэр, өйүгэр туох санаалар харсаллара буолуй?.. Тула – үрүн туундара, үрүн халлаан. Үрүн дьол» [14, с. 130] – ‘Вот уже восемь лет ждет Кирилл Васильевич Иванов. Хороший, очень спокойный человек караулит дорогу. Сидит, смотрит и ждет. И будет еще сидеть. И будет ждать. О чем он думает? Какие мысли теснятся в его голове, отзываются в сердце? Этого он не говорит никому. Может только необозримо белому небу?’ [15, с. 65].

Описание красоты и грации обнаженного тела женщины довольно часто встречается в рассказах писателя. В качестве доказательства разберем фрагмент из рассказа «Серебряная береза»: «Уна, ойуур быһыгар хараһын кырытынан туох эрэ уруну, хамсыры элэс көрөн, тохтоото. Киниэхэ көхсүнэн сыгыннах дьахтар турар, биилиттэн үөһэ өттө көстөр. *Тон чохоон уут манан мөкүнүкэй сарыннаах, ортотунан дьураалаах уһун ып-ыраас көбүстээх, уһун күөкэгэр моойдоох.* Кини баттаһын ыгынар эбит – хараһаассын хойуу баттаһын, илиитэ *кылбаарынныыр*, хоннохторун анна хараарар» [14, с. 178] – ‘В метрах тридцати, справа от себя, Жирков увидел что-то движущееся белое. Илья Васильевич замер. Скрытая до половины кустами, спиной к нему стояла обнаженная женщина. Полные покатые плечи ее, *как взбитые сливки*, мягкие округлые линии шеи... Женщина старательно отжимала длинные косы. Мелькали чуть смугловатые руки, открывая черные ямочки под мышками’ [13, с. 38]. В тексте перевода пропущено целое предложение: «Таня ойоһоһунан турбутугар – төрөөбөтөх дьахтар кыракый ытыс саға *ман-манан* эмиийэ туртас gymмыта» [14, с. 178]. Перевод данного предложения прозвучало бы следующим образом: ‘Когда Таня повернулась боком, в его глаза бросились ее маленькие *беленькие* размером в ладонь груди еще нерожавшей женщины’. Итак, фрагменты легкого эротизма сопровождаются контрастирующими колоративами: *манан* – *хара*.

Колоратив *хара* ‘черный’

Черный цвет в якутской лингвокультуре символизирует что-то земное, пищу, а также неудачу, зло, темные силы. В рассказах Н. Габышева колоратив ‘черный’ используется, в основном, для создания контраста. Вот как описывает зимнюю одежду своей героини из рассказа «Анфиса», тем самым вызывая симпатию читателя: «Манан хаарга кини көтөөрү сапсынныыр тураах курдук – *хара* хаатынкалаах, дьууппалаах, плюш кылгас сонноох, котик бэргэлээх – барыта *хара*» [14, с. 146] – ‘Была она во всем черном... В *черных* валенках, в *черной* юбке, в *черном* коротком жакете, только волосы светло-рыжие’ [13, с. 128]. В оригинале текста автор сравнивает героиню одетую во все черное с порхающей вороной, а о рыжих волосах в оригинале данного эпизода не сказано, таким образом, переводчик компенсирует свои сокращения.

Прием антитезы колоративами использован в описании внешности красивой женщины из рассказа «Письмо Сони»: «Биһиги нуучча романнарын, нуучча поэттара хоһуйбут кыргыттарын хайбыы үөрэммит оччотооһу уолаттар, саха кыргыттарыттан да нуучча дьахтарыгар маарынныыр *манан* урсуннаахтары, быакыйбыт нарын бэйэлээхтэри, хата, кэм *хара* харахтаабы талан таптыырбыт. Соня эдэригэр *туус манан* төгүрүк сирэйдээбэ, *хара* хойуу хаастааба, субугур көнө муруннааба, *кыһыллыгы* намчы уостааба, оо, харахтара дынн *ыас хара, чох хара* этилэр уонна мэлдьи мэник тырым уоттаахтара» [14, с. 263]. Переводчику удалось передать художественно-стилистическую выразительность, созданную писателем: ‘В ту пору наши ребята, начитавшись романов русских писателей, идеальную красоту представляли себе в виде *белокурого, белокожего* существа с тонкой талией. Хорошо, хоть *черные* якутские глаза прощали своим подругам. А Соня в молодости была удивительна *белолица*. При этом брови *густо-черные*, длинные... прямой, чуть длинный носик (этот нос всегда мешал Томмоту произнести самые решительные слова), прекрасные *алые* губки, глаза... О, вот они были по-настоящему красивые!’ [13, с. 61].

Переход черного цвета в другой тон автор рисует живыми естественными красками: «Мин көрбүтүм – иннибэр хааман испит уһун *хара* сонноох киһи сонун көхсүгэр кумаар быһа суох олорбутугар – соно *долгулдьугас кугас өннөммүтэ*» [14, с. 202] – ‘Однажды я наблюдал такую картину. Из дому вышел человек в *черном* пальто. Сейчас же его облипили комары. И... пальто перестало быть черным, а приобрело некий *переливчато-рыжий* оттенок от сотен, тысяч, от десятков тысяч комаров, шевелящих своими радужными крылышками’ [13, с. 334].

Колоратив *күөх* ‘голубой, синий’

Кок, көк ‘зеленый / синий, голубой’ во многих тюркских языках обозначает два совершенно разных цвета. Отличить его можно, если только колоратив использован в сочетании с каким-либо словом. Именно сравнение играет решающую роль в этом случае. Колоратив *күөх* в рассказах Габышева использован в описании северного пейзажа в рассказе «Завешание»: «Кизэһэнэн хойуу намыһах былыт чарааһаан, халлаан хараҥа күөх дьэнкир мындаатыгар хотугу сардаҥа кубаҕай толбонноро дьиримнэһэ оонньоотулар» [14, с. 6] – ‘К вечеру словно опустев, облака ушли вверх, сделались легче и тоньше – прозрачнее. На *исчерна-синем* небе зажглись трепещущие бледные языки полярного сияния’ [13, с. 3]. Эту модель мы можем рассматривать как авторский эпитет при описании неба: «Халлаан *күн-күөх* дьэнкир мындаатыгар, сайынны сарсыарда күөлгэ сөтүөлүү сылдыар кыыс оҕо барахсан курдук, *ып-ыраас, мап-манган* күн кылбайар. Абыях кыракий күүгэн былыт *манган* былааттар буолан усталлар» [14, с. 130] – Утро, весна. Солнце такое *веселое*, такое *яркое*, что похоже... похоже на девчонку-купальщицу, которая ранним утром, на совсем пустынной реке... и облака вокруг той “девчонки” словно легчайшая пена... [13, с. 105]. В тексте перевода эпитет *халлаан күн-күөх дьэнкир мындаата* передан как ‘синие окошки (неба)’ в конце абзаца.

В рассказе «Анфиса» писатель использует данный колоратив в необычном сочетании при описании цвета глаз своей героини и ее детей: «Онтон сис туттан дээдэйэн иһэр Аркадий аттыгар тохтоон, буспут *сугун* харабынан эмискэ оонньоулаахтык көрөөт, Анфиса эмискэ сибигинэйэн кэриэтэ, ис кирибэхтик эттэ» [14, с. 146] – ‘Неожиданно Анфиса весело глянула на него своими “голубиковыми”, очень *синими* глазами, усмехнулась’ [13, с. 128]; «Оҕолоро олбуорга бииргэ оонньоуулар, танаастара үчүгэй, маарыннаһарга дылылар, ийэлэрини киэн, *күөхтүгү-хара* харахтаахтар, *күн-кугастар*» [14, с. 146] – ‘Они всегда играли во дворе и всегда вместе. Одеты опрятно и чем-то очень похожи друг на друга и на мать: такие же румяные, и глаза *иссиня-черные*. На что же они похожи, эти глаза, думал Аркадий... И понял: на *спелую голубику!*’ [13, с. 127].

Рассказ «Дьингээх учуутал» (“Настоящий учитель”) начинается с описания августовского пейзажа в сезон завершения страды: «Сайын баранан эрэр, ол эрэри бэринэ илик. От-мас өссө да күөх» [14, с. 59]. Перевод этого предложения может прозвучать следующим образом: ‘Конец лета, но природа все еще не сдается. Деревья, травы все еще в зеленом наряде’.

Колоратив *күөх* в значении ‘зеленый’ встречается не так часто в рассказах Н. Габышева. В рассказе для детей «Мин муммутум» (“Как я заблудился”) лексема *көбөр* = выражен формой глагола в будущем времени: «Бу аата биһиэхэ сайын кэллэбэ. Күнүстэри, түүннэри сырдык, күн кирибэт. Хаар саҥа ууллан бараммыта, сотору от *көбөрүө*» [12, с. 10] – ‘Я смотрел на чистую реку и *зеленеющую* тундру... Это все означало, что у нас наступало лето. Днем и ночью светило солнце, снег растаял, последние льдины убегали подальше от тепла в Ледовитый океан’ [13, с. 83].

Колоратив *арабас* ‘желтый’

Сары ‘желтый’ в родственных языках. В якутском языке колоратив *арабас* также имеет синоним *саһархай*. В рассказе «Анфиса» данный колоратив использован писателем в контрастном сравнении с белым: «Кырдык, Анфиса сууйбут танаастара хаардааһар *үрүгнэр* эбит. Атын дьахтар ыйаабыт бырастыналар тон үүтүү *арабастыгылар*» [14, с. 146] ‘Белье, стиранное Анфисой, действительно, было как снег... нет как иней, а Машино – тоже, в общем-то, чистое, но *желтоватое*, вроде мороженого молока’ [13, с. 128]. Таким образом, автор подчеркивает чистоплотность и старательность своей героини, желая оправдать ее от несправедливых соседей, постоянно обвиняющих во всех бедах молодую женщину.

Рассказ «Балыксыттар» (“Рыбаки”) начинается с описания утреннего песчаного берега: «Күн ойон, өрүс *хараҥа-болоорхой* ньуура уот толбоннорунан дьирибини

умайбыт. Илинги киэн хаптаҕай кумах кытыл *алтан* солуур дуйунуу саһара кылбаарар. Онно мунхалыы сылдыар дьон ыраахтан эмиэ кылбаннаан, *саһарымтыйан* көстөллөр, мунхалара, баркаастара – барыта уотунан умайар...» [14, с. 69] – ‘Солнце встало. На Севере это момент замечательный, особенный. Брызнули первые лучи, река стала *золотой и алой*, а пологий песчаный берег заблестел *старой медью*, какой уже нет, из какой сделаны редкие теперь, столетние котлы и кастрюли... Рыбаки, выбирающие снасть, кажутся одетыми во все *желтое*. А свет льется, растекается, сверкает все дальше и дальше по тундре’ [13, с. 346]. Писатель использует данный колоратив *араҕас* в паре со словом *ыыс*, что усиливает значение при описании цвета лица старого рыбака: «Сэпсэйбит бытыктаах, *ыыс-араҕас* сымарыттаҕас сирэйдээх, үрдүк соҕус унуохтаах, кырдыа барбыт нүксүгүр киһи итини одуулаһан...» [14, с. 70] – ‘На опушке прибрежных тальников появляется высокий, сутуловатый человек. У него *загорелое*, морщинистое лицо. Волосы и усы *седые*’ [13, с. 346]. Однако в переводе цветообозначающее слово *ыыс-араҕас* заменено другой лексемой, не совпадающей по смыслу ‘загорелое’.

В рассказе «Тааска сурук» (“Надпись на камне”) читателя завораживает олицетворение осеннего пейзажа: «Ойуур тупсубут даҕаны! Хатыннар – нарын, *манан* дьахталлар, *кугас* баттахтарын намылыппыттар. *Алтан* сэбирдэхтэр тэлимнээн түһэллэр... Кылгас *араҕас* сонноох саһархай бэстэр намчы хатыннары тула симсэллэр. Тонкуруун, көбүс-көнө харыйалар тыйыһыра *хараарсаллар*. Бу күһүннү *көмүс* суугунас тыа киһини уоскутар, *араҕас* көбүөр тэллэхтээх түгэбэр утуйар» [14, с. 269]. Перевод С. Иванова отходит от оригинала: ‘Дальше дорога заплетяла лесом... Какой он красивый стал теперь, ближе к осени – *рыжий, багряный, нежно-золотой*. Тихий ветер обрывает листву. Однако она не падает сразу, а старается подольше полетать, попорхать в воздухе. Коренастые, невысокие сосны хотят поближе подойти к *белым* и грустным березам, хотят им понравиться. А *вечнозеленые* ели стоят надменно и холодно, не шелохнувшись...’ [13, с. 30].

Колоратив *кыһыл* ‘красный’

В русской лингвокультуре колоратив ‘красный’ ассоциируется с красотой, жизненной энергией, теплом и светом. В произведениях Н. Габышева колоратив *кыһыл* использован в описании цвета внешности человека: «Аркадий *кыһыл* улахан сирэйдээх уонна ааны бүтүннүү сабардыыр сүөдэгэр киһини элэс көрөн хаалла» [14, с. 148] ‘Он успел увидеть высокого большого мужчину с *красным* лицом’ [13, с. 133]. Здесь автор описывает мужчину, находящегося в алкогольном опьянении, раскрывая его отрицательный образ. Во втором примере данный колоратив использован в контрасте со словом *мап-манан*: «... эдэр дьахтар сыа *манан* санна Аркадий хараҕар субу чугас кубарыйда, кэтит *кыһыл* эминньэхтээх *мап-манан* толору эмийэ, туох да хаххата суох буолан, ордук аһыннарыах дьыгитис гынна» [14, с. 149] – ‘Он увидел ее красивое, полное плечо и *беленькие* круглые груди с широкими *красными* сосками’ [13, с. 133]. Такой же контраст находим в рассказе «Кэс тыл»: «Лаврентий Николаевич *кыһыл* атлас бүрүөһүннээх баата суорҕанынан хонноҕор диэри саптыбыт. Биллэ кэнээбит *хаар манан* ис ырбаахытын сиэҕин ньыппарыммыт: илиилэрэ кыраабыл угунуу синньии уһаабыттар, иниири-ситии буолбут *кубаҕай* унуох сирэйдээх, арай, эрилкэй *чох хара* харахтара өһөстүк, сытыгытык умайаллар, хаппыт кимистигэс уостара, *чараас тириилээх* иэдэнэ бэл мичээр омоонун маарынната, үмүрүс гыннылар» [14, с. 131]. Переводчику удалось передать основной смысл содержания рассказа, принимая во внимание стилистику колоративов: ‘Большой был укутан толстым одеялом *алого* атласа. *Белая* рубашка, которая прежде ему была чуть маловата, теперь стала заметна велика. Из закатанных рукавов торчали две сморщенные палки. А *бледное* лицо, напротив, все было обтянуто кожей. Из под нее ясно и страшно проступали большой подбородок, лоб, острый нос, надбровные дуги... его впалые *серого пергамента* щеки и *белесые* сухие губы произвели движение, которое должно было

обозначать улыбку... Но вот глаза лежащего были живы! *Черные*, внимательные, острые, они, казались видели и Васю, и много дальше – сквозь него и сквозь эти стены’ [13, с. 107].

Следует признать, что Николай Габышев мастер северного пейзажа. С большой любовью и восхищением описывает снежную тундру, северное сияние, песчаный берег у воды, утренний рассвет, вечерний закат, голубое небо, облака, деревья во всех временах года. Рассказ «Үрүн көмүс хатын» овеян красотой якутской природы: «Оо, мантан өрүс киэн унаар эйгэтэ саҕахха тийэ анааттар, өрүһү икки өттүнэн арыаллыыр күөх мырааннар ыраах синньэн, улуу эбэ килэбир мындаатыгар холбоһон сүтэн хаалаллар. Ыраах кумах арыылар сытар кыраабыл угууу *sahapa* кылбаһаллар. Туох баары барытын өрүс бэйэтин сырдык модун киэлитинэн киэптээбит. Оттон холку *кулум-күөх* халлаан, убай киһи быһытынан, итинэн бэркэ астынан, улуу өрүһү тула кууспут. Кини балта – аламай күн-кыыс өрүскэ тэбэнэттик *сандаархай* дьүһүнүн көрүнэн, *көмүс* сарпа баттабын тараанар» [14, с. 177]. В переводе В. Попова данный отрывок передан следующим образом: ‘С мыса открывается неохватный простор сверкающей под солнцем реки. *Серебристая* рябь, переливаясь, бежит к разгону, туда, где *синие* сопки, стушевываясь, как бы сливаются с Леной-матушкой, исчезает вдаль, растворяясь в *знойном* мареве. Разбросанные тут и там плоские песчаные островки похожи на вымытые до *желтизны* перевернутые лодочки-ветки. Спокойное, *лучезарное* небо обволокло великую реку *маревой* кисеей. *Сияющее* солнце озорно глядится в речное зеркало, расчесывает свои *золотистые* лучи’ [15, с. 36]. Справедливо отметить, мастерство переводчика, которому удалось «уловить» и передать всю образность и тонкости автора в описании обволакивающе красивого пейзажа.

Летняя природа в рассказах Н. Габышева имеет свою особую колористику: «Саха сириҥ сайынын үгэнэ – киирэр күн тахсар күннүүн биир *аалай saharҕа* ааныгар солбуһаллар. <...> *Сып-сырдык дьэнкир* чуумпу түүн. Өссө *тунаархай* ый оомоонноох» [14, с. 320] – ‘Самая макушка якутского лета. Закат братается с восходом под пологом единой алой зари <...> И вот представьте себе: тишайшая *прозрачайшая* ночь. Еле заметна, пронизана *светом*, тонкая, словно из фольги, луна...’ [13, с. 43].

Красота северного края – полярная ночь, сияние разноцветных огней на небе. Приведем пример: «Киэһэнэн хойуу намыһах былыт чарааһаан, халлаан хараҥа күөх дьэнкир мындаатыгар хотугу сардана *кубаҕай* толбонноро дьиримнэһэ оонньоотулар» [14, с. 6] – ‘К вечеру словно опустев, облака ушли вверх, сделались легче и тоньше – прозрачнее. На *исчерна-синем* небе зажглись трепещущие *бледные* языки полярного сияния’ [13, с. 3].

Известна способность человеческого мозга создавать цветовые образы в воображении, генерировать особое цветовое пространство. Цвет это особая система кодирования информации, один из важнейших компонентов человеческой жизни [6, с. 23].

Колоративы рационально анализировать в рамках теории поля (семантико-структурно-функционального поля) с описанием колоративного поля изобразительности и колоративного поля выразительности, поскольку именно полевая интерпретация в описании позволяет увидеть приоритетность функциональной системности над всеми другими ее видами [5].

Заключение

Цветовая картина мира прозы Николая Габышева индивидуальна, неповторима другими писателями. Как показал анализ, писатель при выборе цвета в основном опирается не только на языковой смысл, иногда и на его символику. Автор мастерски описывает окружающую действительность (красоту северной природы: тундру, берег у водоема, небо, утренний рассвет, закат; портреты красивых женщин; наряды советских людей), придумывая яркие романтические колоремы или трансформируя известные фразеологизмы с цветовой лексикой. Излюбленными цветами Н. Габышева (по частоте

употребляемости в рассказах) можно считать *урун* / *манан* 'белый', *хара* 'черный', *күөх* 'синий', 'зеленый', *араҕас* / *саһархай* 'желтый', *кыһыл* 'красный'. Отличительной особенностью в использовании колоративов можно назвать прием антитезы, т. е. противопоставления цветов: *белый – черный, белый – желтый*.

С грамматической точки зрения, цветообозначения представлены именами прилагательными, реже глаголами. Довольно часто встречаются формы с усилительными приставками: *мап-манан, хап-хара, куп-күөх, куп-кугас, кып-кыһыл*. Тонко переданы оттенки белого цвета: *муус манан, туус манан, сыа манан, куба манан, кырса манан, урумэ манан*.

Таким образом, колоративы послужили для писателя лексическим средством для создания самобытных, повседневных, но в то же время ярких, неповторимых образов простых людей, тружеников советского периода, живущих в городах и селах, а также помогли воссоздать пейзажную картину далекого северного края для широкого круга читателей, благодаря перу талантливых переводчиков.

Л и т е р а т у р а

1. Бурцев А. А. Якутский рассказ XX века: проблематика и поэтика жанра. Монография. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. – С. 148–173.
2. Габышева Л. Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. – 2019. – №6 (74). – С. 63.
3. Ефремова Н. А., Степанова А. А. Специфика синтаксических конструкций в произведениях Н. Габышева (на материале книги «Сто рассказов») // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. 2014. – Том 11. – № 3. – С. 110.
4. Копырин Н. З. Изобразительные средства якутской поэзии. – Якутск: Бичик, 1997. – С. 25.
5. Мартыанова Н. А. Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А. И. Куприна). Автореф... на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 24 с.
6. Матанцева М. Б., Голдышенко О. А. Колористика в рассказах Владимира Высоцкого // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018. – Вып. 4. – С. 23.
7. Николай Габышев. Анфиса. Кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 170 с.
8. Николай Габышев. Билэр дьонум: Кэпсээннэр. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1958. – 155 с.
9. Николай Габышев. В далеком Амычане: повесть / Авториз. пер. с якут. Виктора Авдеева. – Якутск: Книжное издательство, 1955. – 62 с.
10. Николай Габышев. Көрдөөх Күндэлэй: көр-күлүү, элэк-эгэлгэ кэпсээннэр / Николай Габышев. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-вота, 1986. – 167 с.
11. Николай Габышев. Күһүнү кустук: сэхэн. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-вота, 1988. – 215 с.
12. Николай Габышев. Мин муммутум: Оскуола кыра саастаах оҥолоругар. – Якутскай: Якуткнигоиздат, 1965. – 28 с.
13. Николай Габышев. Серебряная береза. Рассказы. Перевод с якутского Сергея Иванова. – М.: Советский писатель, 1988. – 364 с.
14. Николай Габышев. Сүүс кэпсээн. Кэпсээннэр. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1982. – 400 с.
15. Николай Габышев. Счастье Уллы. Рассказы. Авторизованный перевод В. Попова, Т. Резвой. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1972. – 140 с.
16. Николай Габышев. Таптал: Кэпсээннэр. – Якутскай: Якуткнигоиздат, 1964. – 224 с.
17. Николай Габышев. Таптыыр оҥолорум: кэпсээннэр. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-вота, 1956. – 26 с.
18. Николай Габышев. Таптыыр харахпынан. Роман, сэхэннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 239 с.
19. Николай Габышев. Үтүө аргыстар: орто уонна улахан саастаах оҥолорго. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1982. – 192 с.
20. Николай Габышев. Үчүгэй дьон: Сэхэннэр, кэпсээннэр. – Якутскай: Якуткнигоиздат, 1961. – 156 с.

21. Николай Габышев. Халыма сибэккилэрэ: сэнэн. – Якутский: Саха сиринээҥи кинигэ изд-вота, 1967. – 65 с.
22. Николай Габышев. Ый күлэр. Кыракый кэпсээннэр. – Якутский: Якуткнигоиздат, 1961. – 120 с.
23. Николай Габышев. Ыраах Амычаанна. Сэнэн. – Якутский : САССР государственной изд-та, 1951. – 63 с.
24. Николай Габышев. Эн биһикки олохпут: Кэпсээннэр. – Якутский: Кинигэ изд-вота, 1972. – 248 с.
25. Огорокова В. Б. Кэрэ эйгэтин бэлэһтээбит суруйааччы // Суруйааччы Николай Габышев. Дьүкээбил суһумуттан кыым саҕан... Массово-политическое издание. – Якутск: Дани-Алмас, 2012. – С. 42-43.

References

1. Burcev A. A. Yakutskij rasskaz XX veka: problematika i poetika zhanra. Monografiya. – Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2019. – S. 148–173.
2. Gabysheva L. L. Simvolicheskie znacheniya imeni krasnogo cveta v yazykah i kul'ture tyurkskih narodov // Vestnik SVFU im. M. K. Ammosova. – 2019. – №6 (74). – S. 63.
3. Efremova N. A., Stepanova A. A. Specifika sintaksicheskikh konstrukcij v proizvedeniyah N. Gabysheva (na materiale knigi «Sto rasskazov») // Vestnik SVFU im. M. K. Ammosova. 2014. – Tom 11. – № 3. – S. 110.
4. Kopyrin N. Z. Izobrazitel'nye sredstva yakutskoj poezii. – Yakutsk: Bichik, 1997. – S. 25.
5. Mart'yanova N. A. Polevoe opisanie elokutivnyh kolorativov (na materiale proizvedenij A. I. Kuprina). Avtoref... na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk. – Barnaul, 2007. – 24 s.
6. Matanceva M. B., Goldyshenko O. A. Koloristika v rasskazah Vladimira Vysockogo // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura. – 2018. – Vyp. 4. – S. 23.
7. Nikolaj Gabyshev. Anfisa. Kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2012. – 170 s.
8. Nikolaj Gabyshev. Biler d'onum: Kepseenner. – Yakutskaj: Kinige izd-vota, 1958. – 155 s.
9. Nikolaj Gabyshev. V dalekom Amychane: povest' / Avtoriz. per. s yakut. Viktora Avdeeva. – Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 62 s.
10. Nikolaj Gabyshev. Kordөөһ Kyndeley: көр-күлүү, elek-egelge kepseenner / Nikolaj Gabyshev. – Yakutskaj: Saha sirineeҕи kinige izd-vota, 1986. – 167 s.
11. Nikolaj Gabyshev. Күһүннү kustuk: sehen. – Yakutskaj: Saha sirineeҕи kinige izd-vota, 1988. – 215 s.
12. Nikolaj Gabyshev. Min mummutum: Oskuola kyra saastaah oҕolorugar. – Yakutskaj: Yakutknigoizdat, 1965. – 28 s.
13. Nikolaj Gabyshev. Serebryanaya bereza. Rasskazy. Perevod s yakutskogo Sergeya Ivanova. – M.: Sovetskij pisatel', 1988. – 364 s.
14. Nikolaj Gabyshev. Syys kepseen. Kepseenner. – Yakutskaj: Kinige izd-ta, 1982. – 400 s.
15. Nikolaj Gabyshev. Schast'e Ully. Rasskazy. Avtorizovannyj perevod V. Popova, T. Rezvovoj. – Barnaul: Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. – 140 s.
16. Nikolaj Gabyshev. Taptal: Kepseenner. – Yakutskaj: Yakutknigoizdat, 1964. – 224 s.
17. Nikolaj Gabyshev. Taptyyr oҕolorum: kepseenner. – Yakutskaj: Saha sirineeҕи kinige izd-vota, 1956. – 26 s.
18. Nikolaj Gabyshev. Taptyyr harahpynan. Roman, sehenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2002. – 239 s.
19. Nikolaj Gabyshev. Ytөө argystar: orto uonna ulahan saastaah oҕolorgo. – Yakutskaj: Kinige izd-vota, 1982. – 192 s.
20. Nikolaj Gabyshev. Ychyej d'on: Sehenner, kepseenner. – Yakutskaj: Yakutknigoizdat, 1961. – 156 s.
21. Nikolaj Gabyshev. Halyma sibekkilere: cehen. – Yakutskaj: Saha sirineeҕи kinige izd-vota, 1967. – 65 s.
22. Nikolaj Gabyshev. Yj kyler. Kyrakij kepseenner. – Yakutskaj: Yakutknigoizdat, 1961. – 120 s.
23. Nikolaj Gabyshev. Yraah Amychaanна. Sehen. – Yakutskaj : SASSR gosudarstvennaja izd-ta, 1951. – 63 s.
24. Nikolaj Gabyshev. En bihiikki oloхput: Kepseenner. – Yakutskaj: Kinige izd-vota, 1972. – 248 s.
25. Okorokova V. B. Kere ejetin belekhteebit surujaachchy // Surujaachchy Nikolaj Gabyshev. D'үkeebil suhumuttan kyyim saҕan... Massovo-politicheskoe izdanie. – Yakutsk: Dani-Almas, 2012. – S. 42-43.

УДК 394.2(571.56-37) (091)

DOI 10.25587/litteraesyfu.2022.43.41.006

Е. С. Ноговицына

Из истории собирательства якутских этнографических коллекций: показательный ысыах в Намском улусе 1908 года

Якутский государственный Литературный музей имени П. А. Ойунского, г. Якутск, Россия

Аннотация. По документам архива Русского этнографического музея (Санкт-Петербург) и Национального архива Республики Саха (Якутия) было выявлено, что 9 июля 1908 г. в Хомустахском наслеге Намского улуса Якутской области состоялся показательный *ысыах* (национальный праздник летнего солнцестояния у якутов) на средства Этнографического отдела Русского музея Александра III (ныне Российский этнографический музей). Организатором ысыаха был секретарь Статистического комитета, официальный корреспондент Этнографического отдела Русского музея А. И. Попов, устройтелем – голова Намского улуса С. Рыкунов. Выявлено, что снимки хода праздника со сценами борьбы и народных игр были сделаны А. П. Курочкиным, политическим ссыльным, консерватором Якутского музея 1905-1908 гг. Фотографии попали в фонды музеев Санкт-Петербурга и Якутии, и в настоящее время хорошо известны исследователям. Но о том, что они сделаны по заказу и на средства Этнографического отдела Русского музея Александра III (ныне РЭМ), а также об участии в сборе якутской коллекции Э. К. Пекарского, В. М. Ионина не было известно до последнего времени.

Ключевые слова: этнографический отдел Русского музея, Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция, национальный праздник, показательный ысыах, Д. А. и В. А. Клеменц, А. П. Курочкин.

E. S. Nogovitsyna

From the history of collecting Yakut ethnographic collections: an demonstrational Ysyakh in Namsky ulus in 1908

P. A. Oyunsky Yakut State Literary Museum, Yakutsk, Russia

Abstract. Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg) and the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) revealed that on July 9, 1908, in the Khomustakh nasleg, Namsky ulus, Yakut Region, a demonstrational Ysyakh (the Yakut traditional festival of the summer solstice) was held at the expense of the Ethnographic Department of the Alexander III Russian Museum (now the Russian Ethnographic Museum). The Ysyakh was organized by A. I. Popov, the secretary of the Statistical Committee, the official correspondent of the Ethnographic Department of the Russian Museum, and hosted by S. Rykunov, the head of Namsky ulus. It is revealed that the pictures of the course of the festival with scenes of wrestling and traditional games were taken by A. P. Kurochkin, a political exile, a conservator of the Yakut Museum of 1905 – 1908. The photographs were included in the collections of the museums of St. Petersburg and Yakutia, and are now well known to researchers. But the fact that they were made

НОГОВИЦЫНА Ефросиния Семеновна – научный сотрудник Якутского государственного Литературного музея имени П. А. Ойунского.

E-mail: efr.56@mail.ru

NOGOVITSYNA Efrosinia Semenovna – Researcher, P. A. Oyunsky Yakut State Literary Museum.

by order and at the expense of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Alexander III (now the REM), as well as the participation in the collection of the Yakut collection of E. K. Pekarsky, V. M. Ionov was not known until recently.

Keywords: Ethnographic Department of the Russian Museum, Jesup North Pacific Expedition, traditional festival, demonstrational ysyakh, D. A. and V. A. Klements, A. P. Kurochkin.

В 1897 г. началась деятельность этнографической и лингвистической экспедиции, проведенной в районах Северо-Восточной Азии и северо-западного побережья Северной Америки, включая Восточную Сибирь и Дальний Восток России. Экспедиция стала известной как Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция, поскольку ее организатором и спонсором выступил Американский музей естественной истории в лице его президента, бизнесмена и мецената Морриса Джесупа [4]. Работой экспедиции руководил антрополог с мировым именем Франц Боас. Он привлек к участию в экспедиции В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона, отбывавших ссылку в Якутской области и принимавших участие в Сибиряковской экспедиции 1894-1896 гг. в Якутии.

Общеизвестно, что В. И. Иохельсон в мае 1902 г. собрал значительную коллекцию якутских предметов в бывшем Ботурусском улусе (ныне территория Чурапчинского и Таттинского улусов) [8]. Исследователю было известно, что после закрытия Всемирной выставки в Париже в 1900 г. более 180 изделий, освещающих быт якутов, были куплены Лейпцигским музеем (Германия). Иохельсон был более чем уверен в том, что ему удалось собрать более обширную и уникальную по содержанию коллекцию, чем представленная на Парижской выставке. Об этом в письме к доктору Боасу он писал следующее: «Несмотря на краткость времени, я собрал якутскую коллекцию благодаря моему знанию страны и старым друзьям. Я полагаю, что это будет первая полная этнографическая коллекция, которая покинет Якутск». Местные жители не только устроили для него показательный ысыах, но еще подарили ему урасу (летнее жилище, покрытое орнаментированной берестой): «Я получил в качестве подарка материал (за исключением деревянной рамы и скамеек) для древнего якутского летнего жилища из бересты с интересной декорацией. Он может быть восстановлен в музее, для чего можно использовать искусно сделанную модель как образец, чтобы показать интересный тип примитивной архитектуры. Если сравнивать с берестяными палатками некоторых кочевых тунгусов и с прежними «ураса» остяков, описанных Палласом, якутская выглядит как более комфортабельное и крепкое летнее жилище» [5]. Кроме коллекции В. И. Иохельсон увез в Америку фотографии всего хода ысыаха, которые можно найти в интернете.

Несомненно, чурапчинский ысыах и сбор якутских коллекций для музея Америки В. И. Иохельсоном широко обсуждались в Якутске, где уже был свой краеведческий музей. Однако это не был единственный показательных ысыах, имеющий научную цель.

30 мая 1901 г. организатор Сибиряковской экспедиции, заведующий Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III Д. А. Клеменц написал письма из Санкт-Петербурга якутскому губернатору В. Н. Скрыпичину, политссыльному, участнику Сибиряковской экспедиции Э. К. Пекарскому и ответственному секретарю Статистического комитета А. И. Попову, в которых сообщил, что в музее Александра

III решено представить Россию в эпоху его правления и что в будущем музей должен стать отдельным Этнографическим музеем [6]. Он просил Эдуарда Карловича и Андрея Иннокентьевича уговорить знакомых якутов «сделать пожертвования в музей якутскими вещами, костюмами, изделиями» и чтобы последние составили объяснительный список и отправили в музей. Вняв просьбе известного ученого, осознавая ценность предложения для распространения культуры якутов, адресаты письма начали деятельность по сбору материалов. А. И. Попов занимался сбором одежды, Э. К. Пекарский и В. М. Ионов – сбором материалов о постройках, занятиях и культе народов Якутии [9].

Вскоре в музей Александра III поступила первая коллекция из 7 предметов от А. И. Попова, и в первой Книге коллекционных описей Этнографического отдела появилась запись под №1 «Тунгусы-Орочены», которая сообщает, что они получены от «Чекурского волостного головы Олекминского округа Якутской области». Регистровал предметы заведующий Этнографическим отделом Д. А. Клеменц [3]. Э. К. Пекарский и В. М. Ионов тоже внесли вклад в сбор якутских коллекций.

В 2009 г. в архиве Русского этнографического музея (АРЭМ) нами были обнаружены данные об отправке 20 фотографий народного гулянья и 13 снимков сцен борьбы и игр с ысыаха, устроенного головой С. Рыкуновым в Намском улусе в 1908 г. В том же году 26 августа А. И. Попов отправил в музей летнее жилище якутов – *урасу*. Было получено 27 берестяных полотнищ, длина которых составляла 4 и более метров, а ширина 1,5 и более метров. Запись под № 1894 свидетельствует о том, что дополнительно были получены берестяные полотнища к урасе, высланной в музей ранее. В АРЭМ сохранилась и переписка музея с А. И. Поповым. Он написал, что урасу Дорофея Пинигина в Якутск доставил Кирилл Оконешников из II-го Сыланского наслега [1]. Указано, что строение изготовлено примерно 60-80 лет тому назад, то есть в первой четверти XIX в.

Фото 1. Намские красавицы (1908, фото А. П. Курочкина)

Но самые интересные сведения об организации ысыаха в Намском улусе и приобретении музеем урасы выявлены в фондах Национального архива РС (Я). Так, оказывается заведующий Этнографическим отделом Русского музея Д. А. Клеменц дал задание Андрею Иннокентьевичу устроить показательный ысыах, нанять фотографа и купить урасу. А. И. Попов предлагал провести ысыах в Ботурусском улусе, «где был уже опыт устройства ысыаха по заказу Иохельсона». Но 21 декабря 1907 г. заведующий Хатын-Аринской богодельней Намского улуса В. А. Клеменц¹ родной брат этнографа, находящийся в то время в Якутской области, написал Попову, что летом староста Хамагаттинского наслега женит сына: «Говорят, свадьба будет во всем блеске якутских обычаев и, если к ней примазать этот праздник, дав ему на расходы, что, вероятно, лучшего теперь нигде не сделаешь». Из архивных источников нам удалось установить и дату проведения ысыаха – 9 июля 1908 г.

По плану А. И. Попов и В. А. Клеменц должны были заняться организацией ысыаха. Но 19 февраля 1908 г. Э. К. Пекарский пишет Андрею Иннокентьевичу: «Так как В. А. Клеменц назначен и. о. помощника Верхоянского² исправника, и, следовательно, ему самому нельзя будет участвовать с вами в устройстве весеннего ысыаха». Далее просит взять у него 100 рублей, отправленных для организации праздника и приобретения урасы [7].

К сожалению, документов, свидетельствующих о том, почему вместо Хамагаттинского наслега выбран Хомустахский, и был ли этот ысыах приурочен к свадьбе сына старосты, пока не выявлено. 17 июня 1908 г. А. И. Попов телеграммой сообщает музею, что на устройство ысыаха в Намском улусе необходимо 300 рублей, а для фотографа – 100. Д. А. Клеменц разрешил расход денег, и 23 июня 1908 г. голове Намского улуса С. Рыкунову было выдано 275 рублей [2]. В этих документах имя фотографа не указано. Отметим, что фотографии намского ысыаха были включены в каталог «Визуальное наследие народов Якутии: фотографический мир А. П. Курочкина (конец XIX – начало XX вв.)», изданный в 2011 г. сотрудниками Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера имени Емельяна Ярославского. Однако в аннотациях каталога указано, что сцены борьбы и народные игры сняты не в Намском, а в Тулагинском наслеге.

И только в 2016 г. в архиве Русского этнографического музея было выявлено, что в 1910 г. А. П. Курочкин продал музею 40 негативов, снятых им в Якутской области в 1906-1909 гг. Среди них 5 негативов с ысыаха 1908 г.: «Языческий обряд на празднике ысыах. Молитва шамана к богу плодородия. Жертвоприношение жеребят. Снято в Намском улусе в 1908 г.», «Сход якутов на праздник ысыах. Намский улус Якутского округа, 1908», «Разливание кумыса по чоронам для гостей на весеннем кумысном празднике ысыах в Намском улусе Якутского округа в 1908» и два негатива, названных «Часть круга танца «үнкүү»».

Видимо, в том 1910 г. А. П. Курочкин продал фотографии и в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру), поскольку и там есть его коллекция № 2106 со снимками ысыаха 1908 г. В аннотациях к ним нет упоминания Намского улуса, например, написано «Приезд якутов на праздник ысыах. Нач. XX в.» или «Якутка в праздничном костюме. Нач. XX в.». По снимкам можно ознакомиться с оформлением *түсүлгэ* (центральное место проведения ысыаха, где проводились обряды обращения к божествам, кумысопития и др.), одеждой мужчин и женщин того времени, их украшениями или просто полюбоваться образами предков.

1 Валериан Александрович Клеменц – родной брат Д. А. Клеменца. Известен как собиратель якутских коллекций для Этнографического отдела Русского музея.

2 По архивным документам В. А. Клеменц был назначен исполняющим обязанности помощника Виллойского исправника.

Фото 2. Языческий обряд на празднике ысыах. Молитва шамана к богу плодородия. Жертвоприношение жеребят (1908, фото А. П. Курочкина)

Фото 3. Часть круга танца «ункүү» (1908, фото А. П. Курочкина)

Таким образом, в 1908 г. в Хомустахском наслеге Намского улуса состоялся показательный ысыах на средства Этнографического отдела Русского музея Александра III (ныне РЭМ), имеющий целью фиксацию обряда проведения национального праздника якутов для экспозиции на выставке. Эти уникальные экспонаты и фотографии стали ценнейшим источником для изучения культуры якутов для последующих исследователей. Сам факт участия в процессе Э. К. Пекарского и В. М. ИONOва еще раз доказывает их огромный научный интерес к быту и культуре якутов, как части Российского государства.

Персоналии, упоминаемые в статье

Богораз Владимир Германович (1865-1936) (псевдонимы Тан-Богораз, Богораз – Тан) – российский революционер, писатель, этнограф, лингвист, северовед. Отбывал ссылку в Среднеколымске в 1889-1899гг. Участник Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедиции 1894-1896 гг., северо-тихоокеанской экспедиции Джузеппе 1900-1901гг., организованной известным антропологом и лингвистом Францом Боасом. Работал в нью-йоркском Музее естественной истории и Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера, СПб);

Ионов Всеволод Михайлович (1851-1922) – этнограф, фольклорист, тюрколог, якутовед, революционер-народник, ближайший сотрудник Э. К. Пекарского по составлению «Словаря якутского языка», участник Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедицией в 1894-1896 гг., педагог. В историю тюркской лексикографии вошел как ближайший сотрудник Э. К. Пекарского по составлению «Словаря якутского языка»;

Иохельсон Владимир Ильич (1855-1937) – российский революционер, советский этнограф, основоположник юкагирования, северовед. Участник Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедиции 1894-1896 гг., северо-тихоокеанской экспедиции Джусепа 1900-1901гг. Работал в нью-йоркском Музее естественной истории и Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера, СПб);

Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) – этнограф, археолог, географ, антрополог, религиовед, публицист. Один из создателей широко известного в России и за ее пределами Минусинского музея в Сибири, первый заведующий Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III (1902–1910). Руководил Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедицией в 1894-1896 гг.;

Клеменц Валериан Александрович (?-1911) – родной брат Д. А. Клеменца, прибыл в Якутск в 1907 г., умер в Якутске в 1911 г.;

Курочкин Аким Поликарпович – политический ссыльный, официальный корреспондент Этнографического отдела Русского музея, консерватор Якутского музея (1905-1908), заведующий Народным домом и библиотекой-читальней (1914-1916). Его фотографии о Якутии хранятся в фондах музеев Якутии, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российском этнографическом музее (СПб).

Пекарский Эдуард Карлович (1858-1934) – российский лингвист, этнограф, фольклорист, член-корреспондент и почетный член АН СССР, составитель «Словаря якутского языка», собиратель якутских коллекций для Этнографического отдела Русского музея Александра III (СПб, ныне Российский этнографический музей);

Попов Андрей Иннокентьевич (1858 – после 1933) – официальный корреспондент Этнографического отдела Русского музея, ответственный секретарь Якутского областного статистического комитета, принимал участие в организации выставок, научных экспедиций в Якутской области. С 1900 г. – собиратель коллекций для Этнографического отдела Русского музея Александра III (СПб, ныне Русский этнографический музей), основоположник краеведческого музея в Якутске;

Скрыпцын Владимир Николаевич (1848-1929) – российский государственный деятель, действительный статский советник, губернатор Якутской области в 1892-1903 гг., почетный гражданин г. Якутска.

Литература и источники

1. Архив Российского этнографического музея (далее АРЭМ). Ф. 1. Оп.2. Д. 481. Л. 76.
2. АРЭМ. Ф.1. Оп.2. Д.462. Лл.122; 158; 167–168; 224; 238.
3. АРЭМ. Книги коллекционных описей «Тунгусы-Орочены», «Якуты».
4. Вахтин Н. Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. – 2005. – Т. 2. – С. 241–274.
5. Иванов-Унаров В. Х., Иванова-Унарова З. И. О предыстории снимков Иохельсона // Илин. – 1998. – № 1(2). – С. 53–54.
6. Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея. «Цари народам – народы царям». // М., СПб: «Паспорт Интернэйшнл», 1995. – 160 с.
7. НА РС (Я). Ф. 435. Оп. 1. Д.10. Лл. 17-17об; 21.
8. Слободин С. Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона) // Этнографическое обозрение. – 2005. – Т. 5. – С. 96–115.
9. С-Петербургский филиал АРАН (далее – СПбФ АРАН). Ф.202. Оп. 2. Д. 205. Л.5-20 об.

References

1. Arhiv Rossijskogo etnograficheskogo muzeya (dalee AREM). F. 1. Op.2. D. 481. L. 76.
2. AREM. F.1. Op.2. D.462. Ll.122; 158; 167–168; 224; 238.
3. AREM. Knigi kollekcionnyh opisej «Tungusy-Orocheny», «Yakuty».
4. Vahtin N. B. Tihookeanskaya ekspediciya Dzhesupa i ee russkie uchastniki // Antropologicheskij forum. – 2005. – T. 2. – S. 241–274.
5. Ivanov-Unarov V. H., Ivanova-Unarova Z. I. O predystorii snimkov Iohel'sona // Ilin. – 1998. – № 1(2). – S. 53-54.
6. Imperatorskie kollekcii v sobranii Rossijskogo etnograficheskogo muzeya. «Cari narodam – narody caryam». // M., SPb: «Pasport Internejshnl», 1995. – 160 s.
7. NA RS (Ya). F. 435. Op. 1. D.10. Ll. 17–17ob; 21.
8. Slobodin S. B. Vydayushchijsya issledovatel' severnyh narodov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Iohel'sona) // Etnograficheskoe obozrenie. – 2005. – T. 5. – S. 96-115.
9. S-Peterburgskij filial ARAN (dalee – SPBF ARAN). F.202. Op. 2. D. 205. L.5-20 ob.

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 811.512.1

DOI 10.25587/litteraесvfu.2022.68.17.007

*Н. А. Сивцева***Глаголы каузации начала существования в поэтическом
тексте А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс»
(«Благословение по-старинному»)**

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию глаголов бытия в поэтическом тексте. Целью данной статьи является описание глаголов каузации начала существования в произведении А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному»). Определен состав глаголов каузации начала существования в структуре данного поэтического текста, проанализированы их значение, использованное в определенном контексте. В основу данного исследования положен функционально-семантический подход, позволяющий отобразить целостную организацию универсальных семантических категорий с определенным содержанием и средствами выражения. В исследовании применены структурный анализ, позволяющий представить наиболее подробную характеристику отношений между компонентами языковых явлений; контекстное описание с приемами наблюдения, обобщения и с элементами количественной обработки данных. Обращение к тексту А. Е. Кулаковского, основоположника якутской художественной литературы, позволяет выявить особенности в использовании языковых средств в ранней зарождающейся литературной поэзии, отличной от традиции устного народного творчества. В статье впервые подвергаются анализу глаголы каузации начала существования, изложенные в указанном произведении. Новым является представление данных глаголов, использованных в тексте рассматриваемого поэтического произведения, в соответствии с принципами и методами функционально-семантического анализа. Выявлено, что в характере представления рассматриваемых глаголов в исследуемом поэтическом тексте отображается авторская трансформация художественно-выразительных средств, основанных на фольклорных традициях.

Ключевые слова: бытие, поэтический текст, глагол, значение, типовая семантика, каузация начала существования, фольклор, литература, традиция, А. Е. Кулаковский.

СИВЦЕВА Наталия Александровна – к. филол. н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: sivna@mail.ru

SIVTSEVA Nataliya Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Scientific Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

N. A. Sivtseva

Causative verbs of the beginning of existence in the poetic text by Alexei Kulakovsky “*Bylyrgyly algys*” (“Blessing in the old way”)

Institute for Humanities Research of the Problems of the Indigenous Peoples of the North,
Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of verbs of being in a poetic text. The purpose of this article is to describe the causative verbs of the beginning of existence in the poetic work by Alexei Kulakovsky “*Bylyrgyly algys*” (“Blessing in the old way”). The composition of the causative verbs of the beginning of existence in the structure of this poetic text is determined, their meaning used in a certain context is analyzed. This study is based on a functional-semantic approach that allows us to display the holistic organization of universal semantic categories with a certain content and means of expression. The study uses structural analysis, which allows to present the most detailed characteristics of the relations between the components of linguistic phenomena; contextual description with methods of observation, generalization and with elements of quantitative data processing. The appeal to the text of Alexei Kulakovsky, the founder of Yakut literature, allows us to identify features in the use of linguistic means in the early emerging literary poetry, different from the tradition of oral folk art. The article analyzes for the first time the causative verbs of the beginning of existence, set forth in this work. What is new is the representation of these verbs used in the text of the poetic work under consideration, in accordance with the principles and methods of the functional semantic analysis. It is revealed that the character of the representation of the verbs under consideration in the poetic text under study reflects the author's transformation of artistic and expressive means based on folklore traditions.

Keywords: being, poetic text, verb, meaning, typical semantics, causation of the beginning of existence, folklore, literature, tradition, Alexei Kulakovsky.

Введение

Язык художественных произведений представляет интерес для исследований, поскольку в нем непосредственно отражаются существенные изменения норм литературного языка как особой «наддиалектной» формы речи и как исторической категории. Необходимость его изучения обусловлена тем, что он является особым интенциональным языком, строящимся по законам логики с некоторыми особыми правилами семантики. Язык художественных произведений при этом понимается как язык, на котором создаются художественные произведения, и как поэтический язык, представляющий собой систему правил, составляющих основу художественных текстов, их создания и интерпретации [1, с. 608]. Целью данной статьи является описание глаголов каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному»). Для достижения указанной цели является необходимым определить состав глаголов каузации начала существования в структуре указанного поэтического произведения, а также проанализировать их значение, использованное в определенном контексте. В основу данного исследования положен функционально-семантический подход в изучении явлений языка, предполагающий представление целостной организации универсальных семантических категорий

с определенным содержанием и средствами выражения [1, с. 5-39]. Методы, используемые в осуществлении этого исследования, предопределены общим функционально-семантическим подходом. В исследовании применены структурный анализ, позволяющий представить наиболее подробную характеристику отношений между компонентами языковых явлений; контекстное описание с приемами наблюдения, обобщения и с элементами количественной обработки данных. Для анализа выбран текст произведения А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному»), написанный первым якутским поэтом в 1916 г. [5, с. 12-15]. Обращение к тексту основоположника якутской художественной литературы позволяет выявить особенности в использовании языковых средств в ранней зарождающейся литературной поэзии, отличной от традиции устного народного творчества [4, с. 144-147; 9, с. 256-262; 10, с. 85-116; 11, с. 98-118; 12, с. 169-172]. В статье впервые подвергаются анализу глаголы каузации начала существования, изложенные в указанном произведении. Новым является представление данных глаголов, использованных в тексте рассматриваемого поэтического произведения, в соответствии с принципами и методами функционально-семантического анализа.

Основная часть исследования

В якутском языке глаголы каузации начала существования относятся к лексико-семантической подгруппе глаголов, обозначающих начальную фазу бытия, существования. Глаголы бытия, называющие процесс бытия, существования, наличия, интересны для исследования по причине их достаточной частотности и широкого употребления в различных функционально-смысловых типах речи, функционально-стилевых типологиях текстов [8, с. 66]. Типовая семантика глаголов каузации начала существования – «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо» [2, с. 366]. Базовыми в рассматриваемой группе являются следующие глаголы: *төрүттээ* 'основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо', *олохтоо* 'заселять, поселять, вселять; устанавливая; обосновывать', *төрөт* 'рождать, рожать, родить, производить на свет'.

Исследуемое стихотворение представляет собой монолог-напутствие, обращенное к новобрачным, по строению происходящее от фольклорного культового речения – благословения [6, с. 562]. Известно, что подробно разработанные у якутов свадебные обряды и благословения, основное содержание которых – пожелания счастья, достатка и довольства новобрачным, постепенно стали выходить из употребления уже к концу XIX столетия [13, с. 178-179]. В то же время стилевая ориентация на фольклор, в том числе на жанр благословения, является характерной для зарождающейся якутской литературы. Композиционная структура произведения состоит из следующих традиционных частей благословения: ссылка на заповедь предков «о хорошем, добром», обращение к божествам якутского пантеона, пожелания семейного благополучия, богатства, потомства. Главное содержание благословения, обращенного к новобрачным, предполагает использование в его тексте глаголов каузации начала существования.

В ходе осуществления настоящего исследования выявлено, что в стихотворении А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному») обнаружено использование всего 3 глаголов с типовой семантикой «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо». Все выявленные глаголы каузации начала существования представлены в тексте в форме побудительного залога 2 л. мн. ч. либо 3 л. мн. ч.:

- *төрүттээҥ* от *төрүттээ* 'положить начало чему-либо, основать, создать что-либо': *Төлкөлөөх дириҥ Түһүлэни төрүттээҥ* 'обширное тюсюлгэ разместите' [5, с. 14]. Является базовым глаголом, объединяющим группу глаголов с семантикой каузации начала существования;

- *олохтоннун* от *олохтоо*. В якутском языке известны следующие его значения: 1) заселять, поселять кого-либо куда-либо, определять кому-либо место для проживания; 2) помочь

кому-либо обзавестись семьей, хозяйством; 3) устанавливать что-либо, организовывать что-либо; 4) основать. Является базовым глаголом рассматриваемой группы глаголов. В тексте произведения А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному») выражен в значении 'основать, установить': *Уруй олохтоннун!* 'пусть слава установится' [Там же, с. 15];

- *салалыннын* от *салалын*. Обладает следующими значениями: 1) направлять движение кого-чего-либо, править, управлять кем-чем-либо; 2) направлять чью-либо деятельность, быть во главе чего-либо, руководить чем-либо; 3) уступать, передавать свою долю в чем-либо другому человеку; 4) создавать, основывать (что-либо доброе). В рассматриваемом произведении используется в значении 'создавать, основывать (что-либо доброе)': *Саргы салалыннын* 'пусть удача удастся' [Там же, с. 15].

Следующие глаголы, обладая в своей семантической структуре значением, выходящим за пределы обозначения каузации начала существования, в контексте рассматриваемого произведения принимают значение, приближенное к семантике «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо»:

- *айгылатын* от *айгылат* 'добиваться полного благополучия, счастья и довольства в жизни, иметь дом-хозяйство – полную чашу'. В рассматриваемом тексте А. Е. Кулаковского используется в контекстуальном значении 'дать начало появлению дома-хозяйства, способствовать его возникновению': *Алаһа дьыһни айгылатын* 'теплую юрту установите';

- *айгыһыннарын* от *айгыһын*. В якутском языке обозначены следующие значения данного глагола: 1) двигаться очень медленно, без суеты, спокойно, быть медлительным; 2) быть медлительным, церемонным; 3) часто ходить, ездить; 4) обосноваться солидно, крепко, иметь крепкое хозяйство, пускать глубокие корни; 5) раскинуться, простираться широко; 6) серьезно подготовившись, ехать, идти куда-либо с какой-либо целью. В анализируемом стихотворении употребляется в значении 'обосновать очаг, способствовать его появлению': *Аал уоту айгыһыннарын* 'жаркий очаг разведите' [Там же, с. 15];

- *анньын* от *ас*. Глагол со следующими значениями: 1) открывать, раздвигать ту часть чего-либо, которая открывается, закрывается; 2) разомкнуть, раскрыть что-либо; 3) раскупорить, распечатать что-либо; 4) отпирать, отмыкать что-либо запертое; 5) открыть что-либо закрытое, закупоренное; 6) открыть какой-либо секрет, тайну; 7) начать какое-либо действие, деятельность; 8) придать гласности что-либо ранее неизвестное. В рассматриваемом нами контексте используется в значении 'утвердить коновязь, способствовать его появлению': *Алтан сэргэни анньын* 'золоченую коновязь утвердите' [Там же, с. 14];

- *тэһитин* от *тэһий*. Многозначный глагол, имеющий следующую семантическую структуру: 1) становиться более широким, растягиваться, расширяться; 2) расширяться, занимая все большее пространство; 3) заполнять собою, накрывать окружающее пространство, расплзаться (например, о тишине); 4) распространяться, охватывая широкий круг участников, становиться доступным, известным для многих; 5) размножаться, давая потомство, плодиться; 6) становиться спокойным, успокаиваться, приходить в бодрое физическое состояние; 7) говорить о чем-либо очень долго, подробно, многословно, распространяться. В указанном произведении изложен в значении 'способствовать появлению молодых деревцев, втыкаемых на ысыахе рядами на түһүлгэ': *Кэскиллээх кэтит Чэчири тэһитин* 'чэчир, украшающий туюсүлгэ, распространите' [Там же, с. 14];

- *туругурдун* от *туругур*. В якутском языке обозначен тремя значениями: 1) приветствовать кого-что-либо, желая здравствовать; 2) упрочиться, окрепнуть, укрепиться; 3) становиться здоровым, благополучным. В рассматриваемом поэтическом тексте обладает семантикой 'натянуть полукругом канат для привязи к нему не прирученных жеребят, способствовать его появлению': *Дьоллоох тоһой сэлэни туругурдун* 'пусть восторжествует счастливый тогой сэлэ' [Там же, с. 14];

- *дьаһайын* от *дьаһай*. Данный глагол в якутском языке обладает следующими значениями: 1) организовать кого-что-либо, руководить какой-либо работой, чьей-либо деятельностью, давать распоряжение; 2) убираться, приводить в порядок, располагать что-либо по порядку; 3) убить кого-либо. В исследуемом произведении используется в значении 'организовать работу двора (скотного), руководить работой в нем, способствовать возникновению указанной деятельности в нем': *Дьаардаах таала тиэргэни дьаһайын* 'пусть начинают организовать работу в широком дворе, наполненном вонючим навозом' [Там же, с. 14];

- *ууһатын* от *ууһаа* 'плодиться, размножаться'. В рассматриваемом тексте используется в значении 'способствовать появлению дымокуров, увеличению их количества': *Уйгулаах унаар түптэни Ууһатын!* 'пусть появляются дымокуры, беспрестанно дымящиеся' [Там же, с. 14];

- *үрдээтин* от *үрдээ*. Многозначный глагол, обладающий следующей семантической структурой: 1) становиться выше, вырастать, подрастать; 2) увеличиваться, повышаться в количестве; 3) перейти на более высокую должность, повыситься в должности; 4) подниматься, повышаться. В представленном контексте изложен в значении 'давать (дать) начало повышению победы, удачи, успеха': *Өрөгөй үрдээтин* 'пусть повысится удача' [Там же, с. 15];

- *тосхойдун* от *тосхой*. В якутском языке имеет следующие значения: 1) определять предположительное направление чего-либо; 2) направлять к цели, сообразовать с целью, уготовить, послать. В стихотворении-благословении изложен в значении 'давать (дать) начало направлению счастья': *Дьол тосхойдун* 'пусть начнет сопутствовать счастье' [Там же, с. 15];

- *туһаайдын* от *туһаай*. Данный глагол обладает следующей семантикой: 1) направлять, наставлять что-либо на кого-что-либо; 2) адресовать что-либо кому-либо, обращаться к кому-либо; 3) наступать (о времени чего-либо). В контексте стихотворения-благословения представлен в значении 'давать (дать) начало наступлению блага, благополучия, добра': *Туску туһаайдын* 'пусть наступает благополучие' [Там же, с. 15];

- *билистин* от *билис*. Этот глагол имеет следующие значения: 1) приобретать, получать первое представление, знание о чем-либо; 2) знакомиться, познакомиться с кем-либо; 3) различать кого-что-либо, понимать, узнавать что-либо. В рассматриваемом произведении обладает семантикой 'давать (дать) начало наступлению радости, ликования': *Мичил билистин* 'пусть наступает радость' [Там же, с. 15].

- *ананнын* от *анаа*. Многозначный глагол, обладающий следующей семантической структурой: 1) выделить, оставлять, предназначать кому-либо определенную долю; 2) посвящать, адресовать кому-либо что-либо; 3) предназначать, отдавать какому-либо большому делу свою жизнь, работу. В исследуемом поэтическом тексте используется в значении 'давать (дать) начало предназначению восхваления, прославления': *Айхал ананнын* 'пусть предназначается прославление' [Там же, с. 15].

Вышеприведенные 12 глаголов, в той или иной степени развивая сему «каузация начала существования», в контексте стихотворения А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному») передают ситуацию наступления начала события, явления. Указанные значения выявленных глаголов изложены из «Большого толкового словаря якутского языка» [2].

В зачине произведения, в котором дается ссылка на заповедь предков «о хорошем, добром», глаголы с рассматриваемой семантикой не встречаются. В основной части стихотворения глаголы, объединенные типовой семантикой «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо», составляют фрагмент, включающий в себя народную фразеологию, индивидуализированную авторским изложением.

*Алаһа дьыэни айгылатын,
Аал уоту айгыһыннарын,
Алтан сэргэни анньын.
Төлкөлөөх дириг
Түһүлгэни төрүттээн,
Кэскиллээх кэтит
Чэчири тэнитин,
Дьоллоох тоҕой сэлэни туругурдун,
Дьаардаах таала тиэргэни дьаһайын,
Уйгулаах унаар түптэни ууһатын!* [5, с. 13-14].
‘Теплую юрту установите,
Жаркий очаг разведите,
Золоченую коновязь утвердите,
Обширное тюсюлгэ разместите,
Чэчир, украшающий тюсюлгэ, распространите,
Счастливый тоҕой сэлэ восторжествуйте,
Широкий двор организуйте,
Беспрестанно дымящиеся дымокуры наплодите’.

В приведенном примере глаголы каузации начала существования, составляя устойчивые речевые обороты и выражения, представлены в форме побудительного залога 2 л. мн. ч. в синтаксической позиции сказуемого.

Не менее интересным является использование глаголов каузации начала существования в другом примере, представляющем концовку данного произведения:

*Хата баара –
Саргы салалыннын,
Өрөгөй үрдээтин,
Дьол тосхойдун,
Туску туһаайдын,
Мичил билистин,
Айхал ананнын,
Уруй олохтоннун!* [Там же, с. 13-14].
‘Лучше всего –
Пусть благополучие установится,
Пусть повысится удача,
Пусть сопутствует счастье,
Пусть наступает благо,
Пусть надвигается радость,
Пусть предназначается восхваление,
Пусть воцарится слава!’

В указанном фрагменте, состоящем из устойчивых речевых выражений, базовые глаголы с типовой семей «каузация начала существования» представлены в конструкциях, расположенных в его препозиции и постпозиции: *Саргы салалыннын* ‘пусть благополучие установится’; *Уруй олохтоннун!* ‘пусть воцарится слава’. В данном примере базовые глаголы с типовой семантикой, объединяющей глаголы рассматриваемой группы, обозначая сильные позиции синтаксической конструкции (начало и конец), в плане семантики маркируют концовку всего произведения. Глаголы в синтаксических конструкциях, составляющих основную часть указанного фрагмента, принимая значение, приближенное к семе «каузация начала существования» в контексте произведения, разделяют его на стилистически и семантически равные части. В итоге концовка всего произведения изложена семью разными глаголами каузации начала существования, представляющих предикативную основу составляющих ее синтаксических конструкций. Таким образом,

глаголы каузации начала существования, маркируя концовку всего произведения, структурно усиливают ее, что можно охарактеризовать как отражение индивидуализированного авторского решения над составлением текста, основанного на устойчивых фольклорных традициях.

Заключение

Анализ показал, что в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Былыргылы алгыс» («Благословение по-старинному») выявлено использование всего 3 базовых глаголов с типовой семантикой «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо». Остальные обнаруженные в тексте 12 глаголов, в большинстве своем являющиеся многозначными, обладая в семантической структуре значением, выходящим за пределы обозначения каузации начала существования, передают в контексте произведения ситуацию наступления начала события, явления. В характере представления рассматриваемых глаголов в исследуемом поэтическом тексте отображается авторская трансформация художественно-выразительных средств, основанных на фольклорных традициях. Проведенное исследование показывает, что функционально-семантический подход в изучении поэтического текста имеет значение в выявлении особенностей интенционального языка, имеющего особое строение согласно законам логики в соответствии с правилами семантики. В дальнейшем в этом направлении перспективными являются исследования, посвященные описанию глаголов бытия в поэтическом тексте, изучению их текстообразующей функции в нем.

Л и т е р а т у р а

1. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М.: Комкнига, 2007. – С. 5–39.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 1999 – 576 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т 1-15 / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004–2018.
4. Единство временных форм глаголов-сказуемых как средство межфразовой связи в якутском тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 5. – С. 144-147.
5. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 240 с.
6. Кулаковский А. Е. Полное собрание сочинений: в 9 т. Поэтические произведения. Том 1. – Новосибирск: Наука, 2009. – 631 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
9. Сивцева Н. А. Временная форма глаголов-сказуемых в сложном синтаксическом целом (на материале прозы А.И. Софронова-Алампа) // European Social Science Journal. – 2011. – № 12. – С. 256–262.
10. Сивцева Н. А. Морфологические средства выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 85–116.
11. Сивцева Н. А. Категория определенности-неопределенности: семантика лексических средств выражения // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: [Электронный ресурс]. – Якутск: 2017. – С. 98–118 (<http://igi.ysn.ru/files/publicasii/fsc.pdf>).

12. Сивцева Н. А. Собственные и нарицательные имена существительные как средства межфразовой связи в якутском языке (на примере сложного синтаксического целого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12. – Ч. 2. – С. 169–172.

13. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

References

1. Bondarko A. V. Vvedenie. Osnovaniya funkcional'noj grammatiki // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. – M.: Komniga, 2007. – S. 5–39.

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / Pod red. prof. L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS KNIGA, 1999 – 576 s.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T 1-15 / pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2004–2018.

4. Edinstvo vremennyh form glagolov-skazuemyh kak sredstvo mezhfrazovoj svyazi v yakutskom tekste // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie. – 2012. – № 5. – S. 144–147.

5. Kulakovskij A. E. Yrya-hohoon. – D'okuuskaj: Bichik, 2002. – 240 s.

6. Kulakovskij A. E. Polnoe sobranie sochinenij: v 9 t. Poeticheskie proizvedeniya. Tom 1. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 631 s.

7. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Yarcevoj. – 2-e izd., dopolnennoe. – M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2002. – 709 s.

8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: OOO «ITI Tekhnologii», 2003. – 944 s.

9. Sivtseva N. A. Vremennaya forma glagolov-skazuemyh v slozhnom sintaksicheskom celom (na materiale prozy A.I. Sofronova-Alampa) // European Social Science Journal. – 2011. – № 12. – S. 256–262.

10. Sivtseva N. A. Morfologicheskie sredstva vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v yakutskom yazyke // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Sposoby vyrazheniya. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – S. 85–116.

11. Sivtseva N. A. Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti: semantika leksicheskikh sredstv vyrazheniya // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza: [Elektronnyj resurs]. – Yakutsk: 2017. – S. 98–118 (<http://igi.ysn.ru/files/publicasii/fsc.pdf>).

12. Sivtseva N. A. Sobstvennye i naricatel'nye imena sushchestvitel'nye kak sredstva mezhfrazovoj svyazi v yakutskom yazyke (na primere slozhnogo sintaksicheskogo celogo) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 12. – Ч. 2. – С. 169–172.

13. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. – M.: Nauka, 1974. – 402 s.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

Т. Н. Пономарева

**Открывая миру культуру народа саха через туризм
(к юбилею Айталины Андриановны Борисовой)**

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Айталины Андриановны Борисова – Почетный ветеран РС (Я), ветеран туризма РС (Я), кандидат философских наук, автор монографии «Айыы: Красота, Добро, Истина», свыше 70 научных статей, в том числе опубликованных в рецензируемых журналах ВАК РФ, Web of Science, SCOPUS, участник и организатор многих международных, российских и республиканских конференций, автор проекта ООО «Малое инновационное предприятие этнокультурного туристского образовательного центра «Айан-Трэвел», руководитель духовно-культурного туристского направления национального инновационного проекта «Земля Олонхо», Отличник образования РС(Я), действительный член Национальной Академии туризма РФ. Награждена юбилейными знаками 35-летия и 50-летия туризма.

Свою научно-педагогическую деятельность А. А. Борисова начала в 1965 г. с поступления на романо-германское отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета по специальности английский язык с квалификацией – филолог, преподаватель английского языка – с изучением культуры народов мира через призму освоения английского языка. Интерес к изучению английского языка, истории культуры якутского народа, работа в Якутском республиканском краеведческом музее экскурсоводом, методистом, а затем и директором бюро путешествий, дали толчок на получение в 1983 г. второго высшего образования по специальности «История». Новое направление научного интереса Айталины Андриановны оформлялось в сложные времена, когда культура народа саха приобретала современный вид. Научные поиски своего направления, работа преподавателем истории, английского языка и национальной культуры в средней общеобразовательной школе № 31 г. Якутска дали научное оформление ее инновационным взглядам на видение духовной культуры народа саха и были обоснованы в научной работе кандидатской диссертации по социальной философии «Аксиологические особенности духовной культуры народа саха» (2003 г.), в которой рассмотрено ценностное содержание духовной культуры народа саха и его огромный педагогический и духовно-экологический потенциал. Изучение этой самобытной системы ценностей весьма актуально в условиях распада традиционных форм культур, когда разрывается связь поколений и буйно расцветает антикультура. Именно поэтому гуманизация образования должна осуществляться посредством обращения к традиционному мировосприятию народа на основе самобытности культуры.

В автобиографии Айталины Андриановны выделяет 3 направления своего интеллектуального наследия: 1. Вклад в изучение и возрождение духовной культуры народа саха; 2. Знакомство с духовной культурой, историей якутского народа посредством развития и организации туризма в РС(Я); 3. Воспитание подрастающего поколения в качестве организаторов туристической индустрии.

Основной темой научно-исследовательской деятельности А. А. Борисовой является изучение особенностей духовной культуры народа саха. Научные поиски по этой теме, начавшись с изучения истории культуры народа саха, привели к идее, что с помощью древних знаний и духовных практик человек может пробудить свои скрытые резервы, способствующие разрешению многих жизненных вопросов, расширению сознания, процветанию и успеху, раскрытию способностей.

Новый круг исследований, расширение интересов ученого А. А. Борисову привели масштабированию идеи – познакомить мировое образовательное пространство с культурой народа саха – которая стала второй ключевой проблемой ее научно-исследовательской деятельности. Реализуя эту тему, она достойно представляла российскую науку за рубежом. Приняла активное участие в международном саха-канадском проекте между ЯГУ и UNBC в качестве координатора проекта, используя свои знания английского языка в 1991-1998 гг.; и была удостоена трех грантов правительства Канады. С 2013 г. по 2016 г. принимала активное участие в осуществлении программ Международного Гранта Polaris (Франция) – (Международный семинар в 2011 г. в Версальском университете, в 2013 г. – на международном семинаре с участием ученых Версальского университета (Франция) и Технологического университета (Литва). По инициативе Борисовой А. А. организован научный семинар о развитии туризма в Якутии в Гуманитарном университете г. Каунас (Литва). В 2015 г. по Международному Гранту кафедры ЮНЕСКО университета Франсуа Рабле участвовала на Международной конференции "Китайская культура питания в Европе; Французская культура питания в Азии" с пленарным докладом "Гастрономический туризм в Якутии". В 2018 г. Айтилина Андриановна стала обладателем Гранта Андре Мазон Посольства Франции.

Научные работы, начатые в целях возрождения, сохранения, популяризации духовной культуры народа саха, стали основой изучения возможностей ноосферного туризма, который знакомит гостей республики с культурой нашего народа. Данный вид туризма интегрирует два научных интереса А. А. Борисовой – изучение и возрождение духовной культуры якутов и туристическая индустрия. Данная форма туризма включает следующие виды познавательных экскурсий и научных изысканий: рекреационный, экологический и разновидности паломнического: религиозный, духовно-паломнический, сакральный и эзотерический с погружением в социокультурную среду народа.

Научные исследования получили продолжение в реализации прикладного направления развития индустрии туризма, сферы гостеприимства в РС(Я). Началось освоение новых направлений в туризме: ноосферный туризм (путешествия в местности, где существует тонкая взаимосвязь человека с энергоинформационным полем планеты, более тонкая трансляция энергий во времени и пространстве, обеспечивающаяся за счет высокой концентрации духовной энергии, основанной на этно-экологических, историко-культурных, геолого-геофизических, географических и философско-ментальных особенностях местности), гастрономический туризм, событийный туризм.

Следующей формой ознакомления мирового образовательного пространства с культурой народа саха является событийный и гастрономический туризм. Так кафедра социально-культурного сервиса и туризма большой командой из студентов и преподавателей неоднократно принимала активное участие в организации популярных праздников Полюса Холода, праздника народов Севера, фольклорных фестивалей.

В 2010 г. А. А. Борисова была участником ЭКСПО-2010 (г. Шанхай, КНР) в составе делегации СВФУ из шести человек. В рамках «ЭКСПО-2010» прошел круглый стол «Олонхолэнд – урбанизационный проект в условиях вечной мерзлоты». Работа с ЭКСПО стало для нее основой для создания духовно-культурного туристического проекта «Земля Олонхо».

С целью развития туризма в республике усилиями А. А. Борисовой при поддержке Министерства по делам предпринимательства и развития туризма РС (Я), ректората

СВФУ в мае 2013 г. был создан Ресурсный Центр подготовки кадров в сфере туризма и сервиса СВФУ для Республики Саха (Якутия). При Ресурсном Центре организован Международный семинар-тренинг «Инновационные технологии в гостиничном бизнесе» специалистов MAG CONSULTING (Чехия) и кафедр социально-культурного сервиса и туризма ИЯКН СВ РФ и спортивно-оздоровительного туризма и массовых видов спорта ИФКиС СВФУ, во время которой прошли стажировку преподаватели, сотрудники МИП «Айан-Трэвел», работники гостиниц «Тыгын Дархан» и «Полярная Звезда», а также были организованы пять курсов.

Идея познакомить мировое образовательное пространство со своеобразием культуры народа саха открыли новое третье направление работы ученого – воспитание нового поколения организаторов туристической индустрии. Передача опыта, знаний молодому поколению началось с преподавания в школе, с организации в 1979-1988 гг. популярной передачи для школьников «Знаешь ли ты свой край?» на якутском телевидении, работы в бюро путешествий, Краеведческом музее РС(Я), работы заместителем декана по внеучебной работе факультета якутской филологии и культуры в течение трех лет. В 2010 г. по инициативе А. А. Борисовой в Институте языков и культуры народов Северо-Востока была открыта кафедра «Социально-культурный сервис и туризм» с двумя новыми направлениями «Туризм» и «Сервис», а в 2015 г. магистратура по направлению «Туризм» по профилю «Организация туризма».

В результате изучения рынка образовательных услуг по направлению бакалавриата «Туристский менеджмент» кафедра успешно реализовала пилотную программу двойного дипломирования СВФУ – Бохайский университет (КНР). В сентябре 2014 г. 10 студентов кафедры начали обучение в Бохайском университете для осуществления программы двойного дипломирования. В 2016 г. им были вручены дипломы об образовании в СВФУ, а в 2017 г. шесть из них получили диплом Бохайского университета. В 2014 г. образовательные программы «Социально-культурный сервис и туризм», «Туризм», «Сервис» успешно прошли государственную аккредитацию и получили лицензию.

В 2014-2015 гг. плодотворная работа кафедры, возглавляемая А. А. Борисовой, совместно с ООО «Центр инвестиционных исследований, экономической экспертизы и разработки проектов» воплотилось в выполнении НИОКР по госзаказу Государственного комитета РС(Я) по инновационной политике и науке Методика кадрового развития индустрии туризма РС(Я) до 2030 г.» на 1 млн. рублей.

А. А. Борисова является директором МИП «Айан-Трэвел», основной целью которой является практическое применение (внедрение) результатов научных исследований, экспериментальных и технологических работ в сфере туризма и сервиса с целью получения и введения в экономический оборот новых или усовершенствованных продуктов, услуг, процессов. Предприятие осуществляет свою деятельность в трех направлениях: 1. Образовательная деятельность в сфере дополнительного профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации кадров; 2. Туристическое агентство с принципами открытости образования и общественного участия обучающихся студентов и работающих профессионалов в сфере социально-культурного сервиса и туризма в области внутреннего и въездного туризма; 3. Создание музея-лаборатории этнокультурного наследия народов Северо-Востока РФ с виртуальным аналогом на базе Информационно-аналитической базы данных историко-культурного наследия народов СВ РФ с информационно-поисковой и образовательной системой. Работа над созданием музея-лаборатории ведется в виде проектов по Программе развития СВФУ с 2012 г. Для студентов направлений «Туризм» и «Сервис» были созданы места практик: кафе-класс, салон красоты Н. Исак, гостиница в общежитии студентов СВФУ.

Возглавляемая А. А. Борисовой кафедра социально-культурного сервиса и туризма разрабатывает научную тему «Особенности природных, историко-культурных и событийных ресурсов индустрии туризма в РС(Я)», которая основывается на проведении

комплексного анализа туристических ресурсов, на основании которого выстраиваются перспективы развития отрасли, формируется концепция устойчивого развития туристической отрасли в Якутии, создание туристско-рекреационных экономических зон, разработка механизмов управления ими, изучение и прогнозирование экологических последствий развития туризма с интеграцией изучения и возрождения духовной культуры народа саха.

Доцент А. А. Борисова активно занимается общественной деятельностью. Являясь членом Совета ветеранов университета, возглавляет общественную работу ветеранов ИЯКН СВ РФ, член редколлегии издания «Ради будущего», который призван увековечить память ветеранов СВФУ.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
3 (07) 2022

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2022
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2022